

Убить куклу

Автор:

Надежда Черкасова

Убить куклу

Надежда Анатольевна Черкасова

Сердце пополам. Детективные романы Н. Черкасовой

Рано лишившись родных, Лера сумела выжить в детдоме, поэтому научилась сносить тяготы, лишения и привыкла не ждать ничего хорошего. И вот, казалось бы, ее жизнь начала налаживаться: она получила образование, нашла хорошую работу, удачно вышла замуж. Но новый удар судьбы не заставил себя долго ждать: любимый муж стал инвалидом, и свекровь обвинила во всем Леру. А потом и весь их городок ополчился на Леру, сочтя ее ведьмой, виновной сразу в нескольких убийствах, по странному совпадению случившихся рядом с ней. Все это началось после того, как Лера подобрала в парке брошенную кем-то куклу необыкновенной красоты. Неужели она может быть не просто безобидной игрушкой, а орудием убийства?

Надежда Черкасова

Убить куклу

© Черкасова Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

«В несчастье судьба всегда оставляет дверку для выхода».

Мигель де Сервантес Сааведра

Глава 1

Кто-то пытается убить в себе дракона, виновника низменных человеческих страстей, а Лера мечтала убить в себе куклу, которую дергают за веревочки все кому не лень. Осталось потерпеть каких-нибудь три недели, и связь с ненавистным прошлым оборвется навсегда, тогда и с куклой будет покончено. Она больше никому не позволит указывать, что ей делать и как жить. А пока перед ней одна задача – выжить.

Лера тенью кралась по пустому коридору, замирая на мгновение и прислушиваясь. Сердце билось так громко, что казалось, его стук эхом отражается от голых серых стен, унылых даже под лучами восходящего солнца, проникающего сквозь высокие окна. До подъема еще полчаса, а этажом выше уже гуляют неясные шорохи, гулкие звуки одиночных шагов: детский дом нехотя просыпается.

Надо спешить. Прежде чем свернуть за угол, Лера осторожно высунула голову и, убедившись, что коридор по-прежнему свободен, проскользнула к заветной двери. Вставив в замочную скважину большую искореженную скрепку и крутнув несколько раз, открыла дверь и юркнула в приемную. По сравнению с первым препятствием мощная дверь директорского кабинета, обитая черным дерматином, казалась неприступным бастионом, но ни одному бастиону не устоять перед желанием Леры узнать истину.

Одежный шкаф вполне подходил под временное убежище. Еле успев прикрыть за собой его дверцу, Лера услышала, как, повозившись ключами в замках открытых дверей, в приемную и затем в кабинет вошла уборщица. Гремя ведром и ловко орудуя шваброй, она за считанные минуты прошла по облезлому паркету, недовольный старческий голос бормотал: «Убираешь тут, убираешь каждый день, а оно опять натоптано. Эх, грехи наши тяжкие! Заставить бы их

самих за собой мыть, не пачкали бы».

Дождавшись, пока уборщица выйдет и стихнут ее удаляющиеся шаги, Лера перебралась за плотную штору, собранную складками, и приникла худеньким телом к стене.

«Неужели я сделала глупость? Может, надо было оставить все как есть? – подумала она, прижимая ладони к плоскому животу, чтобы заглушить урчание. – И завтрак пропущу. Но ведь это того стоит? Или нет? Лишь бы в обморок не упасть».

Стараясь превозмочь головокружение, Лера глотала пресную слюну и представляла на белой плоской тарелке с голубой каймой огромный кусок хлеба с маслом, а сверху еще и внушительный ломоть сыра. Рядом стоял стакан с дымящимся горячим какао. Вот только отведать лакомства у нее не получалось. Как только она подносила бутерброд ко рту, он исчезал вместе с ароматным сладким напитком. Мечты-мечты! Лера и дня не помнит, чтобы ее не мучил голод. Теперь она не отказалась бы и от обыденной утренней овсянки на воде и даже с удовольствием выпила бы стакан мутноватой, чуть подслащенной жидкости, именуемой чаем.

Лера выглянула из-за шторы. В горле пересохло, и даже слюна глоталась с трудом. На роскошном столе директрисы красовался графин с водой. Луч солнца добрался и до него, отбрасывая бриллиантовые блики на зеркальную полировку. Как же хочется пить! До стола пара шагов. А еще нужно налить воду в стакан, бесшумно, не расплескав и не поперхнувшись, чтобы ненароком не закашляться, быстро выпить и вернуться обратно. Притом что в любой момент в кабинет может войти секретарша, уже с полчаса возившаяся в приемной.

Нет, лучше не рисковать, так как последствия даже вообразить страшно. Хотя нет, как раз этот проступок Леры непременно истолкуют как помутнение рассудка, после чего вколют какую-нибудь дрянь и отправят в психушку. Такое уже проделывали с другими воспитанниками. Лера теперь первая на очереди, в этом даже сомневаться не приходится. Странно, что она до сих пор в полном здравии, ведь в детдоме уже не осталось ни одного выпускника с закрепленной за ним при поступлении жилплощадью, а за Лерой числится нехилая трешка в центре города, оставшаяся после смерти бабушки.

Холодный утренний воздух, проникающий в щель приоткрытого уборщицей окна, заставлял поежиться. Лера теснее прижалась к стене, чувствуя, как старый кирпич возвращает ей тепло тела. То и дело подступала тошнота, колени предательски подгибались.

«Ничего, – успокаивала себя Лера, – надо только потерпеть немного, совсем чуть-чуть. Ведь вся жизнь в этой обители для несчастных – одно сплошное терпение. И кто дотерпит, тот победитель. У меня обязательно получится. Получалось же все эти четырнадцать лет».

Наконец в приемной раздались голоса, кабинет наполнился вздохами и пытением. Включив сотовый, Лера настроила глазок видео, протиснув его сквозь узкую щель между шторой и тюлем. Она боялась упустить даже самую малость из происходящего.

– Ты худеть не собираешься? Пора бы и о здоровье подумать. Я уже не говорю о фигуре. Хотя твоему наверняка уже все равно. Или его еще тянет на подвиги?

Лариса Дмитриевна, невысокая, крепко сбитая сотрудница отдела опеки и попечительства, налила воду в стакан, залпом выпила и только после этого расположилась на просторном диване перед журнальным столиком. Привычку говорить со всеми назидательным и непререкаемым начальственным тоном она приобрела, работая в детдомовской школе учительницей математики. Лера до сих пор помнит ее испепеляющий взгляд и напор, с которым Лариса Дмитриевна вдавливалась в «тупые головы недоумков» утверждения превосходства всевозможных формул и цифр. Вот и теперь создавалось впечатление, что она гвозди вколачивает в стену, или, того и гляди, схватит указку и треснет ею по голове собеседника, как не раз лупила подвернувшегося под горячую руку воспитанника – чтобы тот не перечил.

– Ох и язва же ты, Ларка. Своего нет, так ты моего готова с грязью смешать. Разве не знаешь, что завидовать грех? – парировала Антонина Семеновна, директриса детдома, открывая шкаф и кокетливо поправляя перед зеркалом, встроенным в дверцу, жиденькие волосы.

– Было бы чему завидовать, так позавидовала бы, не постеснялась.

– Да уж, ты у нас не из стеснительных. Только сначала своего заведи, а потом и изгаляйся над ним сколько влезет. А моего не трожь! Моя семья – не твоя забота.

Директриса кинула равнодушный взгляд на собеседницу, закрыла шкаф, чуть прикрыла окно и с трудом втиснула роскошные формы в начальственное кресло. Обилие еды, приносимой на завтраки, обеда и ужины заботливой поварихой, никоим образом не способствовало сдерживанию аппетита, а потому пылающие щеки Антонины Семеновны лоснились от жира, а тело добрело изо дня в день, что к истинной доброте не имело никакого отношения.

– Ладно тебе обижаться-то, – фыркнула директриса.

– Я на дураков не обижаюсь, себе дороже, – надменно проговорила Лариса Дмитриевна.

– Так как с нашим делом? Решайся уже, меньше трех недель осталось.

– А ты понимаешь, что без ножа меня режешь? Я не могу обидеть бедную сиротку.

– Да знаю я, какая ты у нас добрая и жалостливая! – не унималась Лариса Дмитриевна. – Других обирала до нитки, а эту вдруг пожалела? С чего бы это? Или хочешь в этом деле без меня обойтись? Так не выйдет, не на ту напала!

– Не могу я так больше, душа не на месте.

– Обеспечь сначала себя к старости, потом о душе будешь думать. Тебе до пенсии всего ничего, а ты никак не поумнеешь. Сейчас надо думать о завтрашнем дне, сегодня. Завтра уже поздно будет. Зачем упускать то, что само в руки идет? Тоня, пойми, она, как и все остальные, уедет отсюда, и ни одна собака о тебе не вспомнит. И ты под старость лет не будешь нужна никому! – вбила очередной гвоздь Лариса Дмитриевна.

– Лара, да что же ты такое говоришь?! У меня муж, дети. Это у тебя, кроме кота, никого.

– Вот именно! Я что, твоего муженька-лодыря не знаю, который всю жизнь сидит на твоей шее да на баб помоложе заглядывается? Вот только не надо такую постную мину корчить! Кто, как не я, твоя подруга, скажет тебе правду в глаза? А ты цени это! Другие льстят без всякого зазрения совести, а сами за твоей спиной интриги плетут. Я же, напротив, помочь пытаюсь. А ты уперлась рогом, как упрямая корова, да еще глаза закрыла, чтобы не видеть, что у тебя под носом делается.

– Ну что ты такое говоришь?!

– Я знаю, что говорю! Или деток своих возьми: один уже лет пять как в Москве и глаз не кажет, потому что у него там своя жизнь. Другой сын тоже с тобой не живет. И ты им нужна только как подмога. Что – не зовут они тебя к себе? И не позовут, если ты не поможешь им жильем собственным обзавестись. А на какие, спрашивается, шиши? Вот я тебе предлагаю дело, на котором мы бы с тобой неплохо заработали, а ты сама отказываешься от своего блага. Знали бы твои детки, которые чужие клоповники снимают за бешеные деньги да нужду испытывают, не сказали бы тебе спасибо.

– Лара, перестань! – отмахнулась пухлой ручкой Антонина Семеновна. – Будет тебе преувеличивать-то! Мне и без тебя тошно.

– Не перестану. Ты ведешь себя как собака на сене: и сама не ам, и мне не даешь кусок пожирнее отхватить.

– Да чем же я-то тебе мешаю? Ешь сколько влезет.

– А тем, что отказываешься помогать. Без тебя-то я разве справлюсь?

– А если нас разоблачат?

– Как?! И главное – кто? Те, кто сам не прочь полакомиться чужим? Так мы с тобой не жадные, поделимся с кем нужно. Уплывет квартира-то! Ты ею пользовалась много лет, сдавала внаем, денежку хоть и копеечную, но получала же. Неужто не жалко будет кому-то даром отдавать? Я тебе раньше предлагала реализовать ее, а ты вот дождалась, пока девчонка подросла. Теперь сложнее будет. Да, кстати, а что это ты о ней так печешься? Уж не родственница ли она тебе какая?

– Скажешь тоже! Да разве позволила бы я родственнице в детдом попасть?

– Ну так давай действовать! Теперь у нас одна возможность беспрепятственно получить квартиру – признать Славину недееспособной. Другого пути нет.

Лера чуть было не вскрикнула. Зажав рот ладонью, она чувствовала, как по щекам бегут слезы. В ней еще теплилась крохотная надежда, что речь идет не о ней, а о ком-то другом. Но теперь сомнений не осталось: именно ее собираются упрятать в психушку, чтобы отобрать квартиру.

– Жалко девочку. Такая умненькая, рассудительная. Даже воспитанники к ней уже давно не пристают с разборками, привыкли видеть ее читающей. Знаешь, как они ее прозвали? Гура. Это от слова «гуру», представляешь? Потому что она почти на любой вопрос знает ответ. Книжный, конечно, и мало что с жизненным опытом имеющий, но все-таки. У меня никогда с ней не было проблем. Куда пошлешь, туда и идет. Что скажешь, то и делает. Просто мечта, а не воспитанница. Не то что другие – оглоеды. Эх, были бы все такими тихими, как она!

– И чего ты так ею умиляешься, не пойму? Забыла, как она чуть не утопила в речке твоего любимчика-стукача?

– Не забыла. И у нее могут нервы сдать. Топили человек десять, все они потом были строго наказаны. В том числе и она. Да, девочка поддалась чувству стадности. Такое в детдоме бывает.

– А другой случай, год назад, когда она чуть не зарезала пацана украденным в столовой ножом, как ты назовешь? Это самая что ни на есть настоящая попытка убийства, которую ты тихонько замяла.

Лера вспомнила случившееся и стиснула зубы. Как жаль, что ее успели оттащить от этой твари. Никогда она не забудет то, что он с ней сделал. Поэтому и попыталась отомстить за себя. А когда не получилось, загнала душевную боль в угол и приказала, как собаке, лежать смирно до поры до времени. Чтобы когда-нибудь иметь возможность своей затаившейся псине выкрикнуть: «Фас!», стоило тогда выжить. Так что этому ничтожеству не уйти от возмездия. Рано или поздно!

- А может, она в число твоих стукачей входит?

- Нет, не может. Она не такая.

- Да хватит уже ей дифирамбы-то петь! Детдомовка - она и есть детдомовка. А с них спрос один - по всей строгости. Так ты решилась или нет?

- Жалко мне ее.

- Жалко?! А ты думаешь, она тебя пожалеет, если что? Дождидайся! Тоня, ты меня знаешь: я кланяться не буду. Не войдешь в долю, я сама спровоцирую Слаvinу на неадекватный поступок с помощью других воспитанников и любому упеку в психушку. Не видать ей своей квартиры, как воли вольной. Решайся, все равно спать спокойно из-за нее не будешь, а так хоть польза какая-то. У меня и поддельные документы для продажи уже готовы. Ты бы спасибо сказала, что в обход тебя не иду.

- Хорошо-хорошо! Уговорила, - сдалась наконец Антонина Семеновна. - Пусть будет по-твоему. Сегодня же вечером приглашу ее в кабинет, а отсюда она отправится уже в психлечебницу.

- Вот и ладненько. Моя помощь требуется?

- Нет. Ты готовь документы и ищи покупателя. Квартирантов я уже выселила, так что можно показывать. Актом для лечебницы я займусь немедленно. А через неделю - подождем на всякий случай, пока слухи о ее исчезновении поутихнут как между воспитанниками, так и между воспитателями, - можно будет и квартиру продать.

- А что с новым жильем? Такой удобный случай не скоро подвернется. Ведь уже семь лет ни одной квартиры, а тут администрация расщедрилась сразу на несколько. Ну, вспомни, ведь лишь пару раз, не считая этого, нам так повезло. Надоело уже по мелочам-то рисковать. Вот теперь у нас настоящее дело, на миллионы. Для этого я уже и документы начала собирать... Да успокойся ты! - в сердцах произнесла Лариса Дмитриевна, видя, как широкое лицо Антонины Семеновны покрывается красными пятнами. - Никто на улице не останется. Все получат по комнатенке, пусть крохотной и в коммуналке, но куда им больше-то? Нам лишь бы нужную галочку в нужном месте поставить. Тогда и разбираться с

этим никто не будет.

- А если найдется кто?

- Велика беда! Откупимся!

Лера слушала и ушам не верила. Они говорили так откровенно и так буднично, словно речь шла о лишении детей просмотра кинофильма в качестве наказания. И не за какую-то явную провинность, а чтобы доказать, кто в доме хозяин. Но главное – даже пожаловаться некому. Можно, конечно, но только через опекуна, которым является сама же директриса детдома. Лера отключила телефон и сунула в карман. Прижала ледяные ладони к пылающему лицу: только бы получилось!

Другой счастливый случай, чтобы оказаться в нужное время в нужный час, ей вряд ли представится. Но лучше не вести речь о своенравной и капризной удаче. То, что Лера здесь и сейчас, – ее личная заслуга. И для этого она держала уши на макушке, нос по ветру, а потенциальных источников информации, которые вполне могли оказаться заклятыми врагами, – на прицеле. Вот и сделала вывод, что именно сегодня, с приездом Ларисы Дмитриевны из администрации из заштатного Энска, и решится ее судьба.

Улучшив момент, пока дамы вышли прогуляться и «помыть руки» перед предстоящей обильной трапезой, а секретарша, стоя на стуле, рылась в толстых папках на верхних полках высокого стеллажа, Лера незамеченной выбралась из кабинета и приемной. Она со всех ног летела в свою комнату, тешась надеждой, что девчонки принесли ей из столовой хоть что-нибудь поесть. Однако ни кусочка хлеба, ни даже стакана чая она на тумбочке не обнаружила. Обыскала соседские – ни крошки. И в комнате никого. Наверное, после завтрака воспитанников собрали в актовом зале, чтобы сообщить о предстоящих летних трудовых лагерях, где они будут работать.

Про обед Лере лучше не мечтать. К этому времени в детдоме ее и след простынет. Куда она отправится? К себе домой. Лера почувствовала, как на душе потеплело. Всякий раз, как только ей становилось невыносимо трудно, она вспоминала, что у нее – не в пример другим детям – есть родной дом. Не чужой, не общий, а свой собственный, который она не отдаст никому. И этот дом – ее прекрасная квартира, ее единственная и любимая родина с самыми дорогими

сердцу воспоминаниями. И адрес она знает, бабушка заставила выучить его наизусть, чтоб от зубов отскакивал. На всякий случай. Вот этот случай и пригодился. Да и визуально она помнит, ведь маленькая уже была – целых четыре года.

Порывшись в шкафу, выбрала что поновее и почище – синие джинсы и куртку, футболку болотного цвета и кеды. Различия между своим и чужим здесь не признавались. Все было общее. Поэтому носили одежду по очереди, ежедневно меняясь. Создавалось впечатление, что у каждой девочки вещей предостаточно, чтобы иметь возможность выглядеть разнообразно. А если нацепить дешевую бижутерию, украденную на рынке в городе, то и вовсе прослывешь за модницу.

Хорошо было бы и внешность как-то изменить, ведь ее скоро начнут разыскивать. Но как? Лера высокая и худая – с этим уже ничего не поделаешь. Черные короткие прямые волосы тоже вмиг не перекрасишь и не отрастишь, а косынка наверняка привлечет внимание. Если только убрать со лба густую челку, о которой обязательно сообщат преследователям как о примете, потому что без челки Леру никто никогда не видел, то может сработать.

Обыскав тумбочки соседок и перебрав скудные безделушки, Лера остановилась на лаковом черном ободке: то, что нужно. Примерив, заглянула в небольшое зеркало на стене и не узнала себя. Высокий лоб, огромные, вполлица синие глаза, которые раньше наполовину скрывала челка, преобразили Леру настолько, что она даже испугалась: какая худая, беспомощная на вид, а во взгляде столько страха и скорби, что впору разреветься.

Лера сорвала с головы ободок, еле сдерживая слезы, и сунула в небольшой рюкзачок, тоже ворованный. Туда же отправилось простенькое платьице, косметика и триста рублей, что наскребла под матрасами соседок.

«Простите меня, девчонки, я вам обязательно верну. Если останусь жива».

Все, пора!

Метнувшись к двери, она услышала приближающиеся шаги, голоса. Неужели это конец?! Узнав, что она собирается бежать, ее сдадут свои же. Из зависти, что решилась. Из ненависти, что не такая, как все, – и умнее, и с жилплощадью. Прежде сдерживались, чтобы не разорвать на части, лишь потому, что утешать

умела как никто, приободрить, обнадежить и научить терпению – самому главному неписаному правилу выживания.

Лера затравленно оглянулась на окно. Второй этаж, но здание старинное, а потому потолки высоченные и каждый этаж по высоте все равно что два, вот и выходит – четыре.

– Девочки, Леру не видели? – послышался голос секретарши. – Ее Антонина Семеновна разыскивает.

– Не видели.

Соседки остановились возле двери.

– А в комнате ее нет? – настаивала подошедшая секретарша.

– Нет, мы только что вышли. Но если увидим, передадим, что вы ее разыскиваете.

– Не я, а Антонина Семеновна. И передайте ей, что...

Лера осторожно открыла окно и, взяв в зубы рюкзак, вылезла на карниз, образованный из выносных плит, опоясавших здание, которое в прежние времена уютно называлось «Дом отдыха». Ей пришлось тесно прижаться спиной к стене, чтобы уместиться на узкой полоске спасительного пространства. Стоило лишь оступиться или потерять равновесие – ее будут соскребать с асфальта. Может, вернуться? Неужели смерть после неосторожного полета лучше смерти в психушке?.. Гораздо лучше, потому что она умрет от страха уже в парении, не дожидаясь приземления. Но если хотя бы попытаться сделать невозможное и выжить?

Выдохнув, Лера сделала шаг по карнизу. Потом еще один и еще: бог любит троицу. Теперь остановка, вдох, задержка дыхания, а на выдохе снова шаг, второй, третий. И снова отдых. Ну что ж, получается. Тьфу-тьфу-тьфу – мысленно, конечно, – чтобы не сглазить. Третья попытка и заслуженная награда – открытое окно! Запреты воспитателей курить в туалете привели только к одному – постоянно открытым окнам для выветривания последствий

нездоровых губительных привычек. Лера хоть и не баловалась сизым змием, боясь втянуться, но никого не осуждала. А теперь и вовсе мысленно благодарила несовершеннолетних дымильщиков, желая им всяческого здоровья и долгих лет жизни. Если выберутся отсюда.

Лера влезла в окно и снова почувствовала, как к горлу подступила тошнота. Она напилась из-под крана и прислушалась. Наполненный водой желудок отказывался быть обманутым, а потому отозвался резами и болью.

«Ну потерпи еще немного, – уговаривала его Лера. – Если я сейчас сдамся и пойду в столовую что-нибудь выпросить, это будет твоя последняя трапеза. Ты это хоть понимаешь?! А если потерпишь немного, я куплю тебе что-нибудь вкусненькое. Вот только в город выберусь. Правда-правда, ты даже не сомневайся! Разве я тебя когда-нибудь обманывала?»

«Обманывала-обманывала! И не раз», – тут же напомнил язвительный ум.

«А ты вообще молчи! Я сейчас не с тобой разговариваю».

Лера прислушалась. Желудок ее никогда не был дураком, и терпения ему не занимать – весь в хозяйку, умница! – а потому и сейчас решил предоставить ей шанс выполнить столь заманчивое обещание, наверняка простив за все прежние уловки.

Выглянув за дверь в пустой коридор – все воспитанники уже высыпали на улицу, – Лера бросилась по лестнице на первый этаж, затем в подвал, из которого через узкое окно выбралась на пустырь за домом. Сюда никто из воспитанников не ходил, так как заросли репья и кустарников не казались привлекательным местом не только для игр, но и для бесцельного шатания по территории детдома. Вот он, заветный лаз, куда привела еле заметная в высокой траве тропинка. Стоит лишь разомкнуть проволочки в определенном месте сетки рабицы – и она на воле.

Лера и прежде, когда терпение подходило к концу, тайно покидала территорию детдома. Пацаны давно уже показали ей это хорошо замаскированное «окно в Европу» за густым двухметровым многоствольным кустарником дикой алычи. О нем знали лишь избранные, она в том числе. Только отсюда можно было выбраться в город «за покупками», как они между собой шутили. Воспитанники

самозабвенно учили ее воровать. Но Лера так и не воспользовалась полученными знаниями, пока не осознала, что без сотового, чтобы выжить, ей не обойтись. Страх умереть оказался куда сильнее страха быть пойманной, поэтому украсть телефон в магазине было делом совсем пустяковым. Тем более что пацаны подробнейшим образом рассказали, как это лучше сделать.

Через полчаса она уже подъезжала на автобусе к Энску.

Городской парк, через который Лере следовало пройти, чтобы добраться до нужного дома, приветствовал ее солнечными бликами, проникающими сквозь густую крону деревьев. Буйное майское празднество цветов и запахов кружило голову, вселяя уверенность в завтрашнем дне. Любимое время года Леры, когда, как говорят в народе, весна выходит замуж.

Интересно, а ей когда-нибудь посчастливится стать чьей-то женой? Только не абы кого, а хорошего, умного и любящего мужа. И чтобы любовь их была взаимной. Лера даже глаза прикрыла, чтобы представить своего суженого-ряженого.

Вот только желудок не разделял ее опьянения свободой. Резкая боль вмиг вывела Леру из состояния эйфории, заставив на всех парах мчаться на запахи парковой кафешки, приветливо распахнувшей двери для страждущих. Свое обещание она выполнила. Невзирая на умопомрачительные цены, Лера заказала пару беляшей и апельсиновый сок. Скукожившийся от голода желудок принял подношение как царский дар и тут же успокоился. Немного посидев в кафе и привыкая к нормальным людям без злобных огонечков в настороженных взглядах, Лера представляла себя частью единого сообщества счастливых людей. Однако стоило поторопиться спуститься на грешную землю, так как наверняка отсутствие Леры уже обнаружили.

Она вышла из парка и, расспросив прохожих, отправилась на поиски нужной улицы. Дорога казалась ей знакомой. Неудивительно, ведь они с бабушкой здесь когда-то прогуливались. И дома вроде не изменились. И деревья – такие же великаны, как раньше. Интересно, как же она попадет в квартиру без ключей? Поможет ли и на этот раз всемогущая скрепка-выручалка, которая справилась даже с директорским бастионом?

Вот и нужный дом. Лера подняла голову и тут же отыскала родные окна на четвертом этаже. Их не раз показывала бабушка. А потом и Лера, когда они с прогулок подходили к дому, указывала на них бабушке, вытянув тонкий пальчик. Дождавшись, пока кто-то из жильцов магнитным ключом откроет металлическую дверь и скроется в подъезде, Лера взбежала на крыльцо и успела сунуть ногу в исчезающую щель входа. Распахнув дверь, проникла внутрь. Даже запах сухой штукатурки ей показался знакомым.

Она птицей вспорхнула на четвертый этаж и остановилась перед знакомой дверью с глазком, обитой уже потертым, но таким родным темно-бордовым дерматином. Сердце неистово колотилось, но не из-за бега, а из-за охватившего волнения, что вдруг откроется дверь и на пороге появится бабушка, живая и здоровая. Лера на секунду закрыла глаза и прижалась лбом к мягкой обивке. Нет-нет, только не расклеиваться. Ностальгия, воспоминания, сожаления – все потом, после, когда она окажется в безопасности. А теперь нужно действовать. Они могут появиться с минуты на минуту. Тогда что здесь делает она?

Хороший вопрос. Наверное, пытается защитить свой кров, свое далекое детство, когда ее любили. А еще пытается спрятаться, ведь, говорят, дома и стены помогают. Лера повозилась с замком, дверь не стала долго сопротивляться и, словно вспомнив ее, распахнулась. Перешагнув порог, Лера закрылась на засов: это ее жилье, и только она здесь имеет право хозяйничать! Пересилив вполне законное желание, она перевела задвижку в прежнее положение. Нет, это не выход. Теперь ей может помочь только время наступления совершеннолетия. Тогда она вправе будет обратиться за помощью к кому угодно, минуя бывшую опекуницу – директрису. А пока терпение и смекалка.

Лера обошла пустую квартиру: вынесли все подчистую. Голые стены, и спрятаться можно разве что за выцветшими обоями. Высокие потрескавшиеся потолки, словно вспоминая былые дни, все еще кокетливо хвастались лепными узорами с облезлой позолотой. Колонка в ванной комнате с окном почернела от копоти, но не сдавалась, было видно, что ею недавно пользовались. Казалось, что из квартиры выжали все, что только можно было. Но и сейчас она представляла немалую ценность, если ради нее готовилось преступление.

«Не получат они тебя, – думала упрямо Лера. – И меня не получат».

В кладовке также невозможно спрятаться. Нет, отсюда лучше убраться подбру-поздорову. Бравада, конечно, хорошее дело, но когда пахнет жареным, лучше

хватать ноги в руки и бежать куда глаза глядят. А куда ее глаза глядят?

Лера стояла в кухне и, задрав голову, изучала антресоли. Она что же, серьезно рассматривает их как укрытие?! Превратиться бы в невидимку, хотя бы временно! Вполне возможно, если забраться на антресоли. Более умного выхода все равно нет, так почему не воспользоваться дурацким? А если она проломит дно и свалится преследователям прямо на головы? Да, может и свалиться. Надо все же попробовать туда забраться. Подпрыгнуть, что ли? Но она не чемпионка по прыжкам в высоту. Плохо, когда не чемпионка, когда нет шапки-невидимки, когда поплакать некому над ее могилкой.

И вдруг Лера услышала звук вставляемого в замочную скважину ключа. Она вмиг подхватила рюкзачок, подпрыгнув, ловко ухватилась за верхний наличник кухонной двери и, опираясь ногами на дверную ручку и выступающие части филенок, добралась до антресолей, мигом распахнула дверцы и втиснулась в черноту проема, исчезнув из поля зрения. Еще и дверцы за собой прикрыла. Казалось, что она даже дышать перестала. Да и нечем было. Пришлось приблизить нос к щели между дверцами, чтобы не задохнуться.

Лера видела, как в кухню вошла преступная парочка – директриса и ее подруга из опеки.

– Ты кого в квартиранты брала – бомжей, что ли?

– Нет, вполне приличные люди.

– А что ж твои «приличные» так квартиру засрала? Хотя чего тут удивляться? Чужое-то никому не жалко. Иные и за своим собственным жильем ленятся ухаживать.

– Может, им денег не хватает... Нет ее здесь, я же тебе говорила. И не может быть.

– И я тебе говорю: некуда ей пойти, кроме как в свою квартиру. Если бы она была ума палата, то эту квартиру стороной бы обошла. А она всего лишь глупая детдомовка, и в голове у нее сейчас от страха каша, которую расхлебать ей не под силу.

- Ну не скажи, она девочка умная!

- Что ты все заладила: умная да умная! Если так думать, мы ее и в самом деле не поймем. Она такая же дурочка, как все остальные. Поэтому нечего от нее и ждать чего-то разумного. Сюда она придет, больше некуда.

- Тогда где она?

- Скоро заявится.

- Так ты предлагаешь здесь ее ждать?! Мне больше делать нечего!

- Тогда нужно кого-то в засаду посадить. Она явится, а ее тепленькую и повяжут и нам привезут.

- А кого ты предлагаешь в засаду?

- Да твоих стукачей. Они с удовольствием за эту работу возьмутся. Особенно если ты им заплатишь хорошо за молчание. Да, кстати, в число стражи обязательно включи того паренька, которого она чуть не утопила. Я слышала, эта твоя Лера большая мастерица убеждать кого угодно в чем угодно. Так что лучше перестраховаться.

- Хорошо. Тогда поехали. Пообедаем, а потом привезем их сюда.

- Ты о чем-нибудь, кроме еды, можешь думать?

- Могу. О том, как ужин не пропустить. Сегодня повариха обещала пирог испечь с капустой и яйцами - мой любимый. Не желаешь попробовать?

- Если я по столько начну есть, то лопну.

- А мне веселее от еды становится. Ну что - поехали?

Голоса стихли, хлопнула входная дверь: неужели ушли? Лера полежала недвижно еще минут пять и только после этого спустилась вниз. Снимая

паутину с волос и одежды, Лера думала о том, что и в самом деле, как говорили эти меркантильные дамы, она – круглая дура. Как она могла сюда заявиться?! Никакие стены не помогут, если в голове пусто. И куда же ей теперь податься? Ни родных, ни друзей. Никому не нужна, абсолютно! Да и ей никто не нужен. А она еще о каком-то счастье мечтает.

На что уповать сироте? На что надеяться выпускнику детдома? Принято считать, что единственный шанс, который ему дается, – это шанс на чудо. Но Лера ясно осознавала, нутром чуяла, что, если не перестанет верить в чудеса, не выживет.

Глава 2

Поразмыслив, Лера решила, что себя она уже достаточно пожалела, что жизнь – слава тебе господи! – еще продолжается несмотря ни на что, поэтому надо двигаться дальше. Почему она вдруг о Боге вспомнила? Так она о нем никогда и не забывала. Потому что бабушка ей всегда наказывала: «Помни, родная, ты крещеная, поэтому Боженька тебе помощницу посылает – святую Валерию. Она будет с тобой в самые тяжелые времена и поможет чем сможет. Но и ты всегда борись за себя, никогда не отступай. Тебе в жизни даже имя твое будет помогать, потому что оно означает – сильная».

Лера коснулась голой шеи, вспоминая о золотом крестике на черном шнурке. Кто его теперь носит?

У нее в запасе около двух часов, и лучше употребить их с пользой, чем нюни зря распускать. Что можно успеть за столь короткое время? Придумать, как спасти себя, ни много ни мало. Если, конечно, ума хватит. Но не зря же она в школе числилась самой умной, и кличку ей детдомовцы дали насмешливо-уважительную – Гура. За то, что она пыталась помогать и младшим, и старшим. А слабо теперь помочь себе самой?

Хорошо, и что мы имеем? Видео с компроматом. Чего не имеем? Документов и денег. И как решить эту задачку? Можно пойти в прокуратуру и предъявить им видео... Ну-ну! Там и телефон отнимут, так как он ворованный, и по шеям надают, и запрятать Леру в психушку помогут. Эти жадные до чужих денег тетки уже столько лет совершают преступления, а еще ни разу не попались. И

не попадутся, так как у них везде все схвачено, подмазано и оплачено. Много лет откупались, откупятся и на этот раз. Правда, заплатить придется гораздо больше, а может, и все награбленное отдать. Но Лере-то от этого не легче. За нее отвечает опекун, поэтому все вопросы будут решать с ним. А Леры сейчас словно и не существует на этом свете, поэтому сотрут ее с лица земли – и никто не заметит.

Значит, видео может теперь пригодиться только прокуратуре, чтобы теток шантажировать? Нет, конечно. Видео в первую очередь выручило саму Леру: где бы она оказалась к вечеру, если бы не стала свидетелем утреннего разговора? Правильно говорят: предупрежден, значит, вооружен. Вот только оружие получилось одноразовое, вернее, с одним патроном. А патронов должно быть ну никак не меньше восьми. Значит, нужно придумать, как еще использовать это видео.

А если все-таки уехать на время, пока ей не исполнится восемнадцать? Например, в Москву. Это такой огромный мегаполис, там ее уж точно не найдут. А потом явиться и потребовать квартиру, документы и деньги, что ей причитались по потере кормильца. Да, это выход. Но как она станет жить без документов? Впрочем, документы можно украсть у какой-нибудь зазевавшейся девицы, хотя бы немного похожей на Леру, и никаких проблем. Устроиться на работу и ждать подходящего момента, когда можно будет вернуться назад.

Хорошо придумала, молодец! Вот только не вернется ли она к разбитому корыту? Если Лера собирается безнаказанно выдавать себя за другого человека, то почему бы расчетливым теткам не выдать за Леру кого-нибудь другого? Тем более что такого добра в детдоме воз и маленькая тележка. Обколют любую девчонку, чуть похожую на нее, и в психушку сдадут, а квартиру присвоят. А когда Лера вернется назад, сделают вид, что они ее и знать не знают. И всем воспитанникам прикажут не узнавать. Тогда что? Ничего. Вот именно, что ничего!

Нельзя отсюда уезжать. Ни в коем случае! И биться до гибели с ветряными мельницами? А может, лучше жить под чужим паспортом в Москве и не возвращаться сюда больше никогда? Тогда получается, что у Леры отберут не только квартиру, но и имя?! Да и с паспортом много не набегашься, все равно когда-нибудь да попадешься. Что тогда? Превратиться в бомжа без жилплощади, без имени, без биографии, хоть и такой незавидной, как у нее?

Но ведь у Леры в жизни было и что-то хорошее, например, воспоминания о бабушке, о себе в счастливом детстве. Воспоминания тоже придется кому-то подарить? Нет уж, не дождутся! Квартира ведь не только ее дом, убежище, а еще и память о счастье, которое на свете все-таки существует, а потому у Леры все шансы испытать его вновь.

Эк куда хватила! И какие же шансы? Да куча всяких, надо только их осознать. Порыться в памяти, потеревить подсознание. Хорошо, давай перечислять. Молодая? Да, тут уж ни убавить, ни прибавить, даже слишком молодая. Но это, говорят, быстро проходит. И как молодость использовать? Не на панель же, в самом-то деле, податься, как мечтают некоторые девчонки из детдома, чтобы хоть каких-то денег заработать? Нет уж, не надо нам такого счастья. А потому молодость – только помеха делу.

Красивая? Пока что-то вроде гадкого утенка. Но перспективы-то есть? Нет-нет, ее что-то не в ту степь понесло. Что еще-то, кроме глупостей? Ах да, она же умная! У Леры даже румянец появился от собственной похвалы. Вот этого у нее точно не отнимешь, не то что квартиру или жизнь. Лера тут же побледнела, взгляд потух, потому что снова пальцем в небо попала. Уж разум-то у человека отобрать проще простого, стоит лишь сделать соответствующий укол, и голова расколется надвое, разбросав осколки ума в разные стороны. Нет, нельзя допустить, чтобы ее сознание превратили в осколки, ни в коем случае! Тогда что остается?

Лера понимала, что у нее не хватает ни ума, ни житейской мудрости, чтобы справиться с постигшей бедой. А время бегом бежит, пожирая оставшиеся минуты. Почему бы и ей не убежать куда-нибудь? Но об этом она уже думала: бесполезная затея. Лера поняла, что вновь плачет. Неужели ей только и остается, что омыwać горе слезами? И все напрасно, так как общеизвестно, что слезами горю помочь еще никому не удавалось. Лера краем футболки вытерла мокрое лицо. А чего реветь-то, если все равно зря?

Итак, пока у нее не отняли ум, надо им воспользоваться. Неужели она и в самом деле умная? Лера глубокомысленно уставилась в потолок. Вздохнув, перевела взгляд на высокое кухонное окно в деревянной рассохшейся раме. Стекла словно лет сто не мыли: грязные, засиженные мухами, и везде, куда ни посмотришь, паутина. С колец карниза свисает обрывок посеревшего, почти черного от грязи тюля. Интересно, что за свиньи здесь жили? Наверное, и в самом деле бомжи какие-нибудь.

Так что там у нее насчет ума? Скорее начитанная, чем умная, а потому без жизненного опыта и дров может наломать. Но ведь это неплохо, если взглянуть с определенной точки зрения. А если эти дрова поджечь и развести большой костер? Чтобы погреться, что ли? Нет, чтобы кому-то стало жарко... Это она о чем сейчас? Пожар, что ли, собралась в квартире устроить?! Ну пожар не пожар, а что-то в этом роде...

Лера сняла куртку и принялась за дело. Сдернула тюль, постирала как следует, намыливая огрызком хозяйственного мыла, затем забралась на антресоли. Минут через двадцать убежище сияло чистотой. Лера оставила дверцы открытыми и сбегала в магазин за продуктами, не захлопывая дверь, чтобы снова не возиться с замком. Перекусила и устроилась на подоконнике в большой комнате с окнами, выходящими во двор.

Как странно, даже вид из окна не изменился: те же деревья, те же покрашенные в зеленый цвет деревянные скамьи с витиеватыми бетонными боковушками, тот же турник во дворе, на который Леру поднимала бабушка, уча отжиматься. Словно она никогда этот дом не покидала. Да, так и было, все эти годы Лера мысленно продолжала здесь жить, потому и помнит так четко. И неудивительно, любой бы запомнил счастье, которое у него когда-то было и которое отобрали.

Во двор въехала знакомая красная «десятка» директрисы. С кем это она заявила? Ба, знакомые все физиономии! Первой покинула машину энергичная Лариса Дмитриевна, за ней вылез нагловатый на вид невысокий Сизов по кличке Сизый, которого Лера с другими детьми пыталась утопить в местной речке за то, что по его доносу одну «слишком умную и весьма болтливую на язык» воспитанницу упекли в психушку. Наверняка директриса именно его назначила главным соглядатаем.

Лера почувствовала, как у нее перехватило дыхание и сердце попыталось вырваться наружу, когда она увидела нехотя выходящего из машины высокого крепкого Дятлова по кличке Дятел. Его Лера меньше всего ожидала увидеть. Как же так, он же не стукач! Неужели директриса привезла его потому, что знала, за что Лера бросилась на него когда-то с ножом?! Вот сука! Лера стиснула колени, пытаясь унять дрожь и ясно осознавая, что весь план ее рухнет как карточный домик, смывается волной паники, как замок на песке, а еще вдобавок и горит синим пламенем.

Итак, на ее поимку кинули воспитанников не просто агрессивных, но по-настоящему жестоких, со слабыми умственными способностями, а потому готовых на любое преступление. Они воспринимали только силу, в любых ее проявлениях. В общем, полный караул!

Лариса Дмитриевна дождалась, пока покинет машину директриса, и возглавила шествие, направившись к подъезду. Лера еще успеет выбраться из квартиры, но куда ей деться, ведь дом-то четырехэтажный, а она на последнем этаже! Спускаться вниз – встретится с преступниками. Стучаться к соседям, так те наверняка не пустят незнакомку. А чердак заперт, возиться с огромным амбарным замком, который она заприметила, когда выходила в магазин, нет времени.

Лера с покорностью жертвы, приговоренной к смерти, полезла на антресоли. Сюда она заранее перетащила и куртку, и рюкзачок, и еду с водой, ждать-то подходящего момента придется неизвестно сколько. Но, похоже, все закончится куда быстрее, чем Лера ожидает. Стоит только парням обнаружить ее ненадежное убежище. Эти-то точно обыщут квартиру тщательнейшим образом в надежде чем-нибудь поживиться. И уж точно заинтересуются неприметными на первый взгляд антресолями. И решат взобраться. Не то что эти неповоротливые тетки.

Дверь отворилась, и компания проследовала в зал. Как хорошо, что квартира пуста, голоса звучат гулко, и можно расслышать любое слово.

– Здесь самое удобное место для наблюдения. Окна в остальных комнатах выходят на другую сторону, – инструктировала Антонина Семеновна своих выродков. – Не курить, чтобы не устроить пожар. Громко не разговаривать, иначе соседи услышат. А соседи тут приличные, не урки какие-нибудь. И, разумеется, не устраивать здесь разборок. Соседи вмиг полиции доложат, что тут безобразия творятся, и вы окажетесь за решеткой. Надеюсь, это в ваши планы не входит?

– Нет, конечно! За кого вы нас принимаете?!

– Вы лучше меня знаете, за кого, а потому не будем зря воздух гонять. У вас теперь одна задача: дождаться, пока на квартиру заявится Славина, схватить ее, связать, усыпить и позвонить мне. Будь это хоть день, хоть ночь. Вот пакет, в

нем веревка и бутылка с водой, в которой намешано снотворное. Не позволяйте, чтобы она кричала. Непременно заставьте ее выпить воды, не захочет – силком напоите. И тут же звоните. Я с водителем тотчас приеду. Вы хорошо поняли?

- Поняли, – эхом вторила стража.

- И еще, я не назначаю среди вас главного. Вы оба главные, потому что от того, как слаженно вы будете работать, зависит ваша дальнейшая жизнь. Я уже говорила, что помогу вам при выпуске, который не за горами: и денег на первое время дам, и жилье хорошее получите, и с работой помогу. Но это только в том случае, если сейчас с заданием справитесь. А если не справитесь, то автоматически лишаетесь всего обещанного и пополните армию бомжей, уголовников, наркоманов и прочей шушеры без будущего. Вопросы есть?

- Все ясно, Антонина Семеновна, мы вас не подведем.

- Только не переборщите со Славиной, – включилась в разговор Лариса Дмитриевна. – Знаю я вас, дураков. Делайте только то, что вам говорят. И чтоб никакой отсебятини!

- Да-да, мы все сделаем как надо!

- Если вдруг возникнут какие-то вопросы, тут же звоните, сами ничего не предпринимайте, – завершила инструкцию директриса.

Дверь хлопнула, отобрав последнюю надежду на спасение. Почему Лера не спустилась и не ушла с тетками? Лучше было бы попасть к ним сразу, а не после этих отморозков. Хотя какая разница – конец-то один!

- Ну чего они там, свалили? – спросил Дятел.

- Да, уехали, кошелки старые.

- Что, хлеб стукача не так сладок, как мечталось, когда шел к этой суке в холуи?

- А ты сам попробуй, так узнаешь.

- Очень надо поганить себя такой мерзостью!
- А ты, значит, чистеньким себя считаешь?
- Ты, падла, на что намекаешь?!
- Ни на что. Просто слышал, как ты киоски городские чистишь.
- Это лучше, чем под старухой ходить.
- И сколько мы тут будем торчать? – сменил скользкую тему Сизый. – А что там в пакете? Вот гадина, хоть бы хавчик какой положила. Как не лопнет от жадности?!
- Ты как хочешь, а я здесь торчать не намерен. В город пойду, прогуляюсь.
- А если Гура заявится?
- Если заявится и увидит, что здесь все спокойно, то на ночь останется. А мы как раз к ночи и подвалим. Тепленькую ее возьмем. Ну что – идешь со мной?
- Нет, я лучше посторожу. Ведьма узнает, башку оторвет.
- Да чего ты ее так боишься?! – взбеленился Дятел.
- А ты такой смелый, потому что только на себя надеешься? А вот я не надеюсь.
- Еще бы! Привык за ней тарелки облизывать.
- Сказал, не пойду, значит, не пойду! Мне есть что терять. А ты как хочешь.
- Ну и черт с тобой! Вздумаешь брякнуть, что я пост оставил, убью!

В прихожей хлопнула дверь. Не успела Лера перевести дух, как услышала приближающиеся шаги. Сизый вошел на кухню, заглянул в духовку ржавой плиты, погромел сковородками и с грохотом хлопнул дверцей. Лера приникла к

щели. Сизый задумчиво постоял у окна, затем обернулся и, подняв голову, заметил антресоли. Лера отшатнулась в глубь проема и перестала дышать: неужели конец?! Шаги проследовали в коридор, изредка раздаваясь то в одной комнате, то в другой, а вскоре и вовсе стихли.

Казалось, надо успокоиться, но оглушительная тишина пугала Леру больше звуков. Сизый был не так прост, как казался на первый взгляд. Стукач по детдомовским понятиям был выродком, холуем при взрослых. Таким доставался и кусок пожирнее, а потому те всегда сыты, и любви взрослых – самого дорогого, о чем мечтает любой сирота, – побольше.

Правда, любовь эта не настоящая, а суррогатная. Но и ее не всем доставалось, и большинство полагало, что общая пайка любви урезалась из-за таких вот расплодившихся стукачей, которым доставалось все. Потому их ненавидели, а также боялись, опасаясь стать жертвами доносов. К тому же считалось, что стукач – особь настолько продажная, что на воле не выживет. Потому Сизый и старается угодить директрисе. Готов землю носом рыть, лишь бы Антонина Семеновна его по головке погладила и незаменимым для себя посчитала, а впоследствии и путевку в жизнь выдала.

Лера невольно нащупала в темноте металлический баллончик с дихлофосом, который ей попался на глаза, когда она приводила в порядок антресоли. Даже проверила, работает ли, направив короткую струю удушающей жидкости – гадость преужасная – в приоткрытое окно ванной комнаты. Она понятия не имела, как баллончик может ей помочь, но на всякий случай не стала его выбрасывать. Может, вместо газового пригодится? Другого-то оружия все равно нет.

Она сняла крышку с баллончика и только успела направить носик форсунки в проем между дверками, как они распахнулись, явив перед Лерой торжествующую физиономию Сизого с оскаленной в идиотском хохоте пастью гнилых зубов.

– А-а, сука! От меня не спрячешься!

Палец Леры дернулся и вдавил до основания головку пульверизатора. Струя вонючей жидкости метнулась в раскрытую глотку, спазмируя дыхание Сизого. Глаза его, наливаясь кровью, дико выпучились от невозможности вздохнуть, и

он разжал цепляющиеся за край антресолей посиневшие пальцы с обкусанными ногтями. Раздавшийся грохот заставил Леру высунуться.

Сизый катался по грязному полу, обхватив горло и силясь крикнуть, но судорога уже гуляла по всему телу, и он наконец затих. Мертвенная бледность лица, полуприкрытые глаза, недвижимое тело вселили в Леру такой ужас, что она на минуту потеряла сознание.

Резкий запах дихлофоса постепенно вывел ее из состояния небытия. Держась слабеющими от страха пальцами за верхний косяк двери, она попыталась спуститься, но сорвалась и рухнула вниз, больно ударившись боком. Лера на коленях подползла к распростертой на полу сухонькой фигурке и прижала пальцы к худому запястью. С большим трудом удалось почувствовать еле заметное пульсирование.

«О боже, неужели он умирает?! – проскользнула в сознание, словно змея, жуткая мысль и вонзилась в сердце. – Я – убийца! А ведь он не сделал мне ничего дурного. Вернее, не успел. Но не сделал же! Надо немедленно вызвать «Скорую»!»

Лера вытащила сотовый и принялась жать на кнопки, но телефон оказался разряжен. Ну почему так не вовремя?! Может, позвать на помощь соседей? Нет, только не это! Отсюда ее точно увезут в психушку. Директриса ни за что не позволит, чтобы на Леру завели уголовное дело по обвинению в убийстве, иначе она никогда не получит ее квартиру. Поэтому не стоит торопиться самой лезть в ловушку.

Лера поднялась, преодолевая боль, и похромала в ванную комнату. Заткнув сливное отверстие ванны крышкой, повернула до отказа ручки обоих кранов. Напор воды отличный, поэтому хоть ванна и огромная, наберется минут за десять, а потом вода хлынет на пол, через полчаса максимум зальет соседей. Они поднимутся, найдут Сизого и вызовут «Скорую».

Лера вернулась к Сизому и склонилась над ним.

– Ты только потерпи, хорошо? – шептала она, чувствуя, что от волнения потеряла голос. – Совсем немножко. Помощь вот-вот подоспеет. Ты не умрешь. Ты же не хочешь умирать, да? Тогда подожди еще чуть-чуть. Только не умирай, ладно?

И лишь увидев падающие на его лицо капли, поняла, что плачет. Неужели от жалости к нему? Почему бы и нет? Наверняка его никто никогда в жизни не жалел. Им всем в детдоме жилось несладко. И каждый пытался выжить, как мог. У Сизого не получилось устоять перед соблазном быть обласканным директрисой, вот он и сломался. Только бы он не умер! Как тогда ей жить дальше на свете – убийцей?! Лучше бы на его месте оказался Дятел. Вот о ком Лера бы не пожалела. Вот кому не следует продолжать жить дальше.

Лера вскочила на ноги. Как же она забыла о Дятле?! Ведь он в любой момент может вернуться, и тогда... Она услышала, как в замочной скважине поворачивается ключ и застыла, не в силах двинуться с места. Но как только входная дверь с легким скрипом начала открываться, Лера уже карабкалась вверх, цепляясь за карниз и торопясь поскорее укрыться в своем совсем ненадежном убежище.

– Эй ты, чудик! Сизый, ты где? Я хавчик принес, выползай. Ты в ванной, что ли? Ну, давай, помойся перед ужином. А я пока постерегу. – И Дятел засвистел что-то себе под нос.

«А ведь он пьяный! – дошло вдруг до Леры, и она почувствовала, как от дикого ужаса каменеет тело. Только душа еще способна надеяться на что-то. – Господи! Святая Валерия! Только вы мне теперь сможете помочь! Не оставьте меня своею милостью!»

Лере казалось, что сознание покидает ее. Непрекращающийся шум в ушах, озноб и стреляющие боли в висках выматывали, заставляя прикрыть глаза и склонить голову к ладоням. Только так дурнота немного отступала, и Лере казалось, что она превращается в огромное ухо, потому что только слух теперь имел право на существование, чтобы вовремя предупредить ее об опасности. А предупрежден, значит, вооружен. Ну да, ну да, как же! Теперь-то она чем собралась защищаться?!

– Эй, Сизый! – принялся барабанить в дверь ванной Дятел. – Ты там сколько еще собрался возиться? Давай выходи! Я пока чайник поставлю.

Лера услышала приближающиеся шаги.

– Вот черт! Сизый, ты чего разлегся? Что с тобой? Да ты живой, нет?!

Сквозь щель она разглядела, как Дятел склонился над Сизым и тряхнул его за плечо. Но, подобрав баллончик с дихлофосом, разразился истерическим хохотом. Он поднялся и швырнул находку в угол, затем, презрительно сплюнув, пнул Сизого ногой.

– Ну и придурок! Никогда бы не подумал, что ты этой дурью балуешься. Так ты, оказывается, вонючий дихлофосник! А я-то думаю: чем это несет по квартире? Эй, кайфовщик, ты меня хоть слышишь? Знаю, что слышишь. Хочешь, анекдот расскажу?

Дятел подошел к окну, открыл его и присел на подоконник.

– Так вот, это как раз про тебя. «Хочешь кайф – один пшик дихлофоса, хочешь большой кайф – два пшика, а захочешь вечного кайфа – пшикай, пока до нужной кондиции не дойдешь». – Дятел снова расхохотался.

Успокоившись, закурил и принялся с усмешкой на толстых губах разглядывать недвижимое тело.

– Чего молчишь-то? Неужели до нужной кондиции допер?

Он перестал скалиться и подошел к Сизому.

– Ты чего, сдох, что ли? Эй, я с тобой говорю!.. Вот черт!

Дятел принялся торопливо набирать номер.

– Антонина Семеновна, у нас ЧП. Это Дятлов говорит. Нет, не появилась... Рядом со мной. Но он себя неважно чувствует... Да, заболел. Откуда я знаю чем? Я только на минутку вышел, за куревом... Да, не разрешали, но... Нет, он сам не поправится. Если ему «Скорую» не вызвать, он, наверное, умрет... Как знаете, но я предупредил. Ну что вы! Я совсем не то хотел сказать... Хорошо, я ничего не буду предпринимать, дождусь вас.

Он сунул телефон в карман и, сплюнув, смачно выругался.

– Сизый, ты зря к ней в услужение пошел. Так теперь и подохнешь, не дождавшись от нее помощи. Не повезло тебе, старичок: не разрешила она вызвать «Скорую». Будем саму дожидаться. И чего я в это дело ввязался? Все из-за этой сучки Гуры. Хотел напоследок поиграть с ней, пока ее в психушку не определят. Ты слышишь меня, Сизый? Я с тобой разговариваю!

Звонок в дверь прервал его разглагольствования. Дятел напрягся, словно зверь перед прыжком, и вмиг протрезвел.

– Кого это черт принес?

Взгляд стал осмысленным и злобным. От бывшего добродушия не осталось и следа. Он снова набрал номер.

– Антонина Семеновна, это я... Вы уже выехали? Вам лучше поторопиться. Здесь кто-то в дверь звонит, а теперь уже и кулаками начали стучать, чтобы открыли, а может, даже ногами... Нет, я не думаю, что это она. Там не один человек, несколько. Да, понял, не имеют права. Хорошо, я не стану открывать, дождусь вас.

Дверь стонала под чьим-то напором, а Дятел даже с места не сдвинулся.

– Этой суке все равно, а мне и подавно нечего беспокоиться. Ну и нервы у нее! Ты слышишь, Сизый? Или тебе, дураку, теперь тоже все равно?

Казалось, что говорит он вслух только затем, чтобы не было так жутко оставаться наедине с мертвецом.

В дверь уже не ломались. Шум в ванной также стих, видимо, жильцам удалось перекрыть воду. Прошло еще минут пятнадцать, прежде чем входная дверь отворилась и Лера услышала возмущенный крик Антонины Семеновны:

– Ах, ироды! Что же это такое вы натворили! Откуда вода в квартире?!

Дятел помчался встречать разъяренную директрису и, видимо, поскользнувшись в коридоре на мокром, с шумом и руганью грохнулся на пол. Соседи снова забарабанили в дверь, но, обнаружив, что не заперто, ворвались наконец в

квартиру, и Антонина Семеновна бодреньким голосом принялась их успокаивать, извиняясь и обещая в ближайшее время уладить недоразумение, приведя соседские квартиры в порядок. Скандал ей был ни к чему, а потому ссориться с соседями нет никакого смысла.

– Дорогие мои, ну все же мы живые люди! И со всяким может случиться подобное. Я же не отказываюсь сделать в ваших квартирах ремонт. Прямо сейчас давайте вызовем специалистов из жилконторы и составим акты о затоплении. Затем на основании этих актов и смет на ремонтные работы я вам за свой счет делаю ремонт. Согласны? Тогда не будем зря тратить время. Пока вы готовите акты, я постараюсь спасти свою квартиру, если вы не против... Нет-нет, спасибо, я сама справлюсь!

Она выпроводила соседей и захлопнула дверь.

– Где он? – Тяжело ступая, Антонина Семеновна вошла в кухню и подошла к Сизому. – Что здесь произошло? Только не ври мне, я все равно докопаюсь до правды, и тогда берегись! А что за вонь-то? Открой шире окно, задохнуться же можно.

– А чего мне врать-то? Я честно и рассказываю: пока ходил за сигаретами, он где-то разыскал дихлофос, а может, и с собой принес, и надышался им.

– А вода откуда?!

– Так он, наверное, помыться захотел, вот и пустил воду. А как надихлофосился, так и про воду забыл.

– И что с ним?

– Траванулся. Думаю, если «Скорую» не вызвать, помрет. Если еще живой.

– А это не ты его, случаем, убил? Вижу ведь, что уже на грудь принял. Может, поссорились из-за чего?

– Да вы что такое говорите-то?! – отшатнулся от директрисы побледневший Дятел. – Нечего нам делить. У нас все одинаковое. И потом, я дурак, что ли,

чтобы в тюрюгу загреметь?! Я собираюсь еще на воле погулять, когда выйду из детдома. Да и выпил я всего-то бутылку пива.

- Ладно, разберемся. Разыщи в ванной тряпки и принимайся за уборку.

- А как же Сизов?

- Иди уже, это не твоя забота!

Дятел вышел, а директриса задумчиво уставилась на распростертое у ног тело.

«Если эта гадина сейчас не вызовет «Скорую», мне придется раскрыться, – подумала Лера. – А если он уже умер? Не важно! Считаю до трех и спускаюсь! Раз, два...»

- Алло, Сергей Петрович? Голубчик, помоги, сделай одолжение! У меня с воспитанником ЧП, надышался какой-то дряни и лежит, словно неживой. Спасибо, дорогой, век не забуду! Ты только поторопись, пожалуйста, как бы не опоздать... Нет, я не на работе. Записывай адрес...

«Только бы успели, – билось в мозгу у Леры. – Только бы успели! Если он выживет и мне представится такая возможность, я обязательно помогу ему, чем смогу. Только бы он выжил!»

Врач приехал через двадцать минут. Как ни странно, Сизый оказался жив.

- Так может повезти только один раз в жизни, – заключил Сергей Петрович, делая укол в вену. – Я забираю его в больницу. Надеюсь, успеем довести.

Санитары перетащили худенького Сизого на носилки и удалились. Антонина Семеновна проводила врача и вернулась в кухню.

- Дятлов, иди сюда!

- Чего?

- Не чего, а что! Тебе придется заночевать здесь.

- Это зачем еще?! Полы я протер. Делать мне здесь больше нечего.

- Ты свою работу еще не выполнил.

- Это какую?

- Не придуривайся! Ты знаешь какую!

- Если она до сих пор не пришла, то вряд ли появится здесь. Да и как она попадет в квартиру? Ключа-то у нее нет... И вообще, я без ужина остался.

- Ужин тебе водитель привезет.

- Не нравится мне это дело.

- Ну и зря! Теперь ты один остался, потому и оплата будет двойная. Неужели упустишь такую возможность? Я ведь завтра и других желающих могу найти. Ты же не думаешь, что я стану тебя уговаривать?

- Хорошо, я остаюсь. Но у меня одно условие. Хотя... - Дятел замолчал, словно раздумывая, стоит ли продолжать этот разговор. Директриса молчала, она умела держать паузу. И тогда Дятел решился. - Я не думаю, что она захочет мне подчиниться. И между нами... - он снова замолчал. - В общем, между нами может завязаться борьба.

- И что? Ты боишься перестараться? А ты не бойся. Мне важно, чтобы ты ее поймал, а в каком она будет состоянии, не столь существенно, лишь бы жива была. Иначе все напрасно. И тогда ты не только не получишь ни копейки, но и сядешь за убийство. Не думаешь же ты, что я за тебя стану отвечать? Даже не мечтай! Поэтому поумерь свой пыл, когда будешь с ней разбираться.

- Хорошо, я постараюсь. - Губы Дятла растянулись в злобной ухмылке. - Только не надо гонять шофера, я сам схожу в магазин и куплю себе еды.

– Ты на секунду не оставишь квартиру! Понял меня?! – зашипела на Дятла директриса. – Иначе я тебе башку оторву! А ну, неси пакет, что ты из магазина принес.

Дятел вернулся с пакетом. Антонина Семеновна заглянула внутрь.

– Я так и знала! Ты, оказывается, пьянствовать сюда пришел, а не дело делать. Так я лучше перестраховуюсь и других охранников привезу. А ты сейчас со мной в детдом отправишься.

– Антонина Семеновна, ну пожалуйста! Вы же знаете, что никто кроме меня с этим заданием не справится. К Гуре большинство воспитанников относится хорошо. И если вы оставите здесь других пацанов, она обязательно с ними договорится. Они ни за что вам ее не сдадут, это я точно знаю. Если бы с ней так легко было разделаться в детдоме, неужели я столько бы ждал удобного случая?! Да я бы давно ее порешил!

– Что ж, придется тебе поверить на слово. Но запомни одно: она должна быть жива!

– Да понимаю я все! Вы останетесь довольны моей работой. Сдам ее вам с рук на руки в усыпленном виде, как и договорились.

– Может, тебе кого на помощь прислать?

– Нет уж, один я лучше справлюсь.

– Хорошо, убедил. Только из квартиры ни ногой!

«А может, все-таки не испытывать судьбу и выйти из укрытия? – с замиранием сердца думала Лера, холодея от ужаса. – Ну уж нет! Все равно эта тварь отдаст меня ему, раз обещала. Теперь-то что делать?!»

Директриса вышла из кухни, Дятел последовал за ней.

– Не забудьте об ужине.

– Через полчаса пришло что-нибудь вкусненькое. Ты только от сытости смотри не усни. И советую тебе свет не включать и не отходить от окна. Сейчас темнеет поздно, а потом уличные фонари включают, так что ты свою добычу не упустишь.

Лера приоткрыла дверцы, чтобы дать доступ свежему воздуху из распахнутого окна. Может, хоть он прояснит мозги, заставив их работать лучше. Когда этот кошмар закончится? Кажется, никогда! Ладно, что хоть кажется, а не на самом деле. Значит, Лера считает, что надежда у нее все же есть? Разумеется, есть! И если она будет думать по-другому, точно проиграет.

Хорошо, будем считать, что выход из создавшегося положения у нее есть. Надо только его найти. И где же его искать? По своему крошечному жизненному опыту Лера знала, что выход обычно находится совсем рядом, надо только его умудриться увидеть. Чего же она не замечает? Что именно находится у нее перед носом, а она в упор не видит?!

Глава 3

Итак, выход есть всегда! Главное – помнить об этом каждую секунду. И тогда... Лера сделала маленький глоток из пластиковой бутылки.

Интересно, сколько она еще протерпит без похода в туалет? А Дятел, особенно после пивасика или чего покрепче? Вот то-то и оно! Вот тебе и выход. У Леры будет минуты две, не больше. Что можно сделать за две минуты? Если бесшумно проскользнуть по коридору, то выбраться из квартиры. Вот только наверняка ключа в замочной скважине она не обнаружит, ведь Дятел ждет, что Лера попробует открыть замок снаружи. Тогда на побег рассчитывать не придется, она просто не успеет быстро управиться с помощью скрепки. А тут еще и руки, как назло, начнут трястись, и страх скует тело...

Стоило лишь вообразить нарисованную коварным умом картинку, как Лера от слабости чуть не потеряла сознание. Правду говорят, что у страха глаза велики, а самый большой страх – воображаемый. Хватит уже пугать-то себя, и так страшно!

С мысли вот только не надо сбиваться!.. Так что там дальше-то? Пожалуй, она успеет пробраться в зал и... заменить бутылку с простой водой на бутылку со снотворным. Если Дятел, конечно, уже не заглядывал в пакет, приготовленный для Леры, и не знает, как выглядит злополучная бутылка. Пожалуй, это единственное средство, которым можно, если удастся, на него воздействовать. Ну в крайнем случае достать из духовки сковороду. Кажется, неплохая защита для любой женщины. Во всяком случае, от домашнего хулигана и всегда под рукой.

Вот только Дятел не домашний хулиган, а преступник, да и получится ли применить к нему эти жалкие методы? И неизвестно еще, как лягут карты ее судьбы. Однажды Лера уже проиграла. До сих пор сердце не успокоилось. И не успокоится, если она не отомстит за себя... Что-то она не о том сейчас. Ей бы в живых остаться, а она о мести мечтает. Хотя одно другому не мешает.

Итак, для первой вылазки, которая неизвестно чем может закончиться, ей времени хватит. А когда Дятел примется за еду, сидя в зале, – она очень на это надеется, так как ему запрещено отходить от окна, – Лера снова спустится и посетит место, без которого не может обойтись ни один человек. Если он не супер-пупер-герой романа, который, конечно, вполне справляется и без этих глупостей. Но Лера героиней романа себя не мнит, а потому и сходить по нужде не считает зазорным. Даже при условии, что ее жизни угрожает опасность. А пока что следует договориться и с мочевым пузырем, как ей прежде удалось найти понимание с пустым желудком... И что за чушь лезет ей в голову?! Да ладно ханжить-то: что естественно, то...

Тишина пустых комнат разбилась от мелодичного звука дверного звонка. Лера слушала короткий разговор водителя с Дятлом и секунды считала до наступления удобного момента. Заперев дверь, Дятел направился в зал. Шурша пакетами, он что-то насвистывал, затем принялся за еду.

Подождав еще минуту, Лера спустилась вниз. Стараясь ступать бесшумно, направилась по коридору. Чтобы пройти к туалетной комнате, следовало сначала миновать проем открытого настежь зала. Лера прижалась к стене и осторожно заглянула в комнату.

Дятел сидел на подоконнике и так увлекся едой, что даже не смотрел в окно, как ему было велено. И если Лера попытается проскользнуть мимо, он наверняка боковым зрением заметит какое-то движение. Но не возвращаться же назад.

Тогда придется действовать поэтапно. Часть пути она уже преодолела, и теперь нужно дождаться возможности, чтобы продолжить движение к цели. Единственным местом, где она могла временно спрятаться, была кладовка возле кухни, и Лера юркнула в нее, наблюдая за коридором сквозь щель приоткрытой двери.

Наконец Дятел оторвался от еды и вышел в коридор, направляясь в туалетную комнату. Лера, не раздумывая, бросилась в зал и подскочила к пакетам: в каком из них нужная бутылка? Нет, Дятел не мог этот специальный пакет держать вместе с остальными. Лера огляделась и увидела в дальнем углу то, что искала. Она тут же развернулась и кинулась обратно, но не в кладовку, а в спальню, что находилась ближе к туалету. Слишком мало времени, чтобы хоть что-то предпринять, а потому выбранная тактика поэтапного действия как нельзя лучше подходила к ее случаю.

Затаив дыхание, Лера слушала шаги проходящего Дятла, а когда тот снова принялся за еду, наконец пробралась в туалетную комнату. Вернувшись в спальню, притаилась за дверью. Сколько бы ни пришлось ожидать следующей возможности, Лера ее не упустит. В окно заглянула полная луна, хотя и без нее в комнате было достаточно светло благодаря отражающимся на потолке бликам от уличного освещения. Лера села на пол, прислонившись к стене, и незаметно сон принял ее в свои объятия. Телефонный звонок ворвался в кошмарное сновидение, прекратив мучения и возвращая Леру в не менее ужасающую действительность.

- Нет, пока нет... Обычный голос. Да не сплю я! Сна ни в одном глазу! Хорошо...

Лера слышала, как заходил по комнате Дятел, чертыхаясь. Ему, видимо, хотелось спать, а директриса надумала его проверять. Он вышел из зала и прошел мимо спальни. Вскоре Лера с удивлением услышала шум душа и довольное побрякивание Дятла. Другого момента у нее уже не будет, никто ей второго шанса на спасение не даст.

Она пробралась в зал. Пакет стоял в том же углу. Лера поторопилась к нему, бросив мельком взгляд на подоконник, где стояла початая бутылка с минералкой. Достав из пакета по виду точно такую же, плеснула из нее часть воды на пол и поменяла бутылки местами. Затем вернулась в кухню и забралась на антресоли. Все, что было в ее силах, она сделала.

Только теперь Лера по-настоящему ощутила, как же ей страшно. Лицо вмиг намокло от слез. Нужда научила плакать без всхлипываний и подвываний, прямо как плачут героини в кино: тихо, культурненько и почти красиво. Так у них и горе какое-то кукольное. Может, и у Леры такое же, если с ней играют, как с куклой? Вот только игры все взрослые. Поэтому Лера тоже включилась в игру по их правилам.

Она вцепилась зубами в рукав куртки, чтобы не закричать. Даже если Дятел уснет и Лера живая и невредимая выберется из квартиры, то куда пойдет? Сколько ей еще прятаться, пока она окажется в безопасности? Ну почему она должна уходить из своей квартиры?! Не дождутся! За свой дом она будет стоять до последнего, пока хватит сил. Лера немного успокоилась. А может, Дятел уже спит без задних ног? Пусть себе спит. Лере тоже не помешает отдохнуть, тем более что усталость все равно берет свое и глаза предательски слипаются. И только мысль вслед погружающемуся в сон сознанию еще пытается оправдать Леру: «Человек не может знать своей судьбы. Не знает – и не надо!»

Лера спала так крепко, что не слышала, как почти всю ночь названивал с небольшими перерывами телефон. Проснулась лишь утром от звука отпираемой двери.

– Нет, ну ты только подумай! – ворчала Антонина Семеновна, шагая тяжелой поступью по коридору. – Спит как сурок и ничего не слышит. Раз десять ему ночью звонила, еле утра дождалась.

– Ты бы приехала да разбудила. Или водителя послала.

– Лара, а ты не много от меня хочешь? Я и так почти глаз не сомкнула, лишь под утро немного задремала. Да и водитель мой, не будь дураком, телефон на ночь отключил. Извелась вся!

– Ты глянь, он и в самом деле спит! Эй, Дятлов, давай просыпайся!.. Что это с ним?

– Откуда я знаю? Может, напился? Вроде пустых бутылок из-под спиртного не видать. Вон одна только, из-под минералки, так это я ему послала. А ну, потряси его!

- Да уж и так трясу. Слушай, да он весь холодный! Может, помер?

- Типун тебе на язык! С чего ему помирать-то?

- Откуда же мне-то знать?! А он, случаем, не хлебнул из твоей бутылки? Той, что ты для Славиной приготовила?

- Она и в самом деле полупуста! Да и на полу откуда-то вода. Неужели свою разлил? Ах ты, дурачок-дурачок! Что же ты натворил-то?! Ведь знал: там снотворное!

- Ты что же, лошадиную дозу в бутылку всыпала?

- Я не хотела, так получилось. Рука дрогнула, я и сыпанула от души. Все, что было. Выливать-то жалко.

- Так разбавила бы!

- Не догадалась. Ну, знаешь, мы все задним-то умом богаты! И потом я же думала, что ей просто дадут хлебнуть из бутылки пару-тройку глотков, и все. Не дураки же они, чтобы полбутылки в нее вливать.

- Тоня, может, он еще жив? Срочно вызывай Сергея Петровича!

- И что я ему скажу? Что мои воспитанникидохнут как мухи?

- Скажешь, что пытался с собой покончить.

- На моей квартире?!

- Тоня, опомнись! Какая она твоя-то?!

- Не могу... что-то у меня с сердцем. Звони сама.

- Сергей Петрович? Доброе утро! Это Лариса Дмитриевна вас беспокоит. С Антониной Семеновной плохо. Да, с сердцем что-то... И не говорите! Такой

контингент, что не у всякого педагога сердце выдержит. У нас ведь опять ЧП. Что-то непонятное случилось с еще одним воспитанником... Да, на той же квартире... Нет, не токсикомания. Здесь что-то другое. Похоже на самоубийство. Да, мы вас ждем.

Как же так? Неужели Лера все-таки стала невольной убийцей?.. И как теперь на свете жить? Но она же не могла поступить иначе! Леру вынудили защищаться тем же орудием, что приготовили для ее уничтожения. Она лишь отказалась играть роль жертвы в этой трагедии жизни.

Примчавшийся на зов безотказный Сергей Петрович констатировал факт смерти воспитанника Дятлова.

– Извините, Антонина Семеновна, но я вынужден сообщить в полицию о случившемся.

– Да-да, конечно, Сергей Петрович, – лепетала еле слышно директриса. – Я все понимаю...

– Антонина Семеновна, что с вами?!

– Вот видите, Сергей Петрович, до чего вы ее довели?! Надо немедленно отвезти Антонину Семеновну в больницу. А уж потом займетесь трупом. Он никуда отсюда не денется. Поедемте, я с вами. Антонина Семеновна, голубушка, держитесь, мы вас сейчас в больницу отвезем, к Сергею Петровичу. Что это с ней? Неужели инфаркт...

Лера вздохнула, пытаясь отогнать воспоминания. Семь лет прошло с тех пор, а было как вчера. Она вернулась в детдом, а через три недели оставила его, чтобы навсегда забыть туда дорогу. Пока Антонина Семеновна лежала в больнице, Лера благополучно завершила все дела, получив назад и документы, и свою квартиру, и накопленные за годы пребывания в детдоме отчисления по потере кормильца. Но главное – она уцелела, а значит, снова победила.

Остановившись у витрины книжного магазина, Лера с гордостью залюбовалась расставленными на полке изданиями в красочных твердых обложках, книгами

писателя Павла Ставского, знаменитости их славного провинциального Энска, а также ее законного мужа. Лера закрыла глаза и представила, как купается в лучах его славы. Эти пять толстых кирпичиков, так гордо выставленных под вывеской «лучшие бестселлеры», были олицетворением «мощного таланта» – обожаемое выражение матушки Павла, когда она говорила о творчестве сына, – любимого мужа Леры, без которого Лера теперь и жизни себе не представляет. Почти целый год счастья, о котором она даже не мечтала: Павел носил ее на руках – и не только в переносном смысле, – выполняя любые желания. Правда, желаний у нее совсем немного и все исполнимые.

А когда ей было превращаться в капризную и избалованную особу? Не в детдоме же! И никак не после него, когда Лере пришлось не только много работать, но и учиться. Лишь год назад она наконец смогла привести в порядок квартиру: сделала ремонт, купила добротную мебель. И, конечно же, приделась и даже понравилась себе в новом элегантном образе. Теперь она работала в банке и чувствовала себя вполне состоявшейся личностью.

Вот только с личной жизнью не очень складывалось. Да, она, наконец, не кукла, тупо исполнявшая чужие прихоти. Тогда почему свобода принесла лишь еще большую неуверенность? Потому что вокруг раскрепощенные, обласканные родителями и не заморачивающиеся о завтрашнем дне счастливицы, а Лера для них – второсортная особь, не представляющая ни для кого интереса. Не понадобилась даже родителям, тогда чего ожидать от чужих?

Лера изо всех сил старалась не забивать голову мыслями о неудачной судьбе, бесплодными мечтаниями о том, что кто-то со стороны придет и сделает ее жизнь счастливой. Если надеяться только на себя, то жизнь уже не кажется такой беспощадной. Другие детдомовцы – из тех, кто выжил, конечно, – вон до сих пор ходят по судам или стоят в бесконечных льготных очередях на получение маленького кусочка счастья в несколько квадратных метров, превратившись в бездомовцев. А иных и вовсе судьба приютила в тюрьмах. А потому Лера по сравнению с ними – в шоколаде: роскошная квартира, престижная работа.

Вот и выходит, что можно не только выжить, а потом существовать кое-как, но и жить, дыша полной грудью, а жизнь обещает – как хочется верить! – счастье и наполненное радостями бытие. Ее дети, которые обязательно случатся, никогда и ни в чем не будут нуждаться – ни в любви, ни в ласке, ни в деньгах, уж она об этом позаботится.

И тут словно луч солнца пробрался в ее неприступное царство. Лера встретила свою судьбу, свое счастье. Где-то с год назад Павел зашел на минутку в банк, чтобы расспросить о кредите, и задержался у окошка Леры на полчаса. Они говорили о чем угодно, но только не о деле. Лера с пылающими от стеснения, которого прежде в себе не замечала, щеками пыталась вернуть увлекшегося ею Павла на интересующую в начале разговора тему, но тот не спускал с нее восхищенного взора карих глаз. Ни одной девушке не под силу устоять перед чарами красноречивого молодого человека. Особенно если он хорош собой. Высокий интеллигентный лоб, чувственные губы, длинные русые волосы дополняли эффект его неотразимости.

Лера вдруг почувствовала себя на голову выше и во сто крат привлекательнее. Значит, не зря она присматривалась к себе в зеркале, замечая, как год от года становится интереснее даже для самой себя. Худоба с улучшением питания превратилась в стройность, бледность пропала, словно ее и не было вовсе, а синие как море глаза лучились уверенностью и даже некоторым превосходством, которое она пыталась скрыть, но тщетно, так как Лера и в самом деле гордилась своими немалыми достижениями в жизни. А тут еще внимание знаменитого писателя Павла Ставского. Ну как бедной головке не закружиться!

– Нет, я не могу с вами сегодня встретиться.

Лере показалось, что она так часто произносит эту фразу, чтобы отбиться от надоедливых поклонников, поэтому даже голос не дрогнул. Сотрудницы банка дружно ахнули и вмиг возненавидели Леру. Но каково было их – нет, совсем не удивление – возмущение, когда она вскоре объявила, что выходит за Павла замуж! Видя их негодование, Лере нетрудно было представить реакцию всех женщин их городка, зачитывающихся его романами: как мог этот статный красавец с лучезарной улыбкой обратить свое драгоценное внимание на невзрачную особу, цена которой и в базарный-то день три копейки!

Ее накрыла обида: значит, Павла они в мужья хотят, а вот прожить за Леру годы в детдоме согласились бы? Выдержали бы все, что пришлось выдержать ей? Вряд ли. Вот и выходит, что она Павла заслужила как никто и считает его наградой за победу, одержанную в борьбе с обрушившимися на нее с самого детства несчастьями.

Лера перешла дорогу и ступила на территорию парка. Веселый щебет птиц рассыпался многоголосым переливчатым звоном. Чудные ароматы сирени и черемухи пьянили обоняние, разноцветьем клумб и сочной зеленью газонов пленялся взор. Как же она любила это время года! Погуляв по широким аллеям парка, Лера направилась к пруду с белыми и черными лебедями. Добравшись до любимой скамьи, присела, не сводя глаз с белок, спускающихся с ветвей ивы к воде, подернутой легкой рябью.

Целый год счастья, которого у нее теперь не отнять и никакими хитростями не выманить. Даже матушке Павла, Вере Павловне, которая была против их брака, считая Леру не их поля ягодой. Но расстроить свадьбу сына она не решилась. Как женщина мудрая, знающая, что жизнь непременно все расставит по своим местам, смирилась. До поры до времени. И Лера чувствовала, как свекровь затаилась, ожидая лучших для себя времен.

Лера души не чаяла в Павле, не могла на него налюбоваться, чувствовала себя самой счастливой на свете. Она мечтала не только греться в лучах его славы, но и поучаствовать в звездной жизни, которая предстояла им за пределами родного провинциального городка и уже вырисовывалась в ее воображении под впечатлением восторженных и пафосных высказываний матушки о необыкновенных писательских способностях сына. Голова кружилась от радужных перспектив.

Павел перебрался жить к Лере. Его совсем не смущало положение примака. Он сменил одну няньку-прислугу – матушку – на другую, жену. Лера с удовольствием предоставила ему одну из комнат под кабинет, купила роскошный письменный стол с удобным креслом, просторный мягкий диван для расслабления во время передышек. Сейчас он работает над шестой книгой и уверяет, что она станет мировым бестселлером. И Лера верит Павлу как самой себе. Хотя с диваном она малость перестаралась. Потому что видит Павла чаще лежащим на мягком ложе, чем погруженным в работу за письменным столом.

А может, он пишет, пока она на работе? Как-то она полюбопытствовала и заглянула в компьютер мужа, но, как ни старалась, найти хоть какой-то след его новой рукописи так и не смогла. Наверное, он пишет от руки. Обыскала ящики стола – ничего, кроме нераспечатанных пачек бумаги. Может, прячет где, не хочет, чтобы кто-то видел, пока не закончит. Скорее бы уж закончил.

Лера намекала ему о ребенке, и Павел не против, уговаривает только немного подождать, пока он закончит книгу. А потому Лера готова на все, лишь бы угодить любимому, и светится от радости, что может быть ему хоть чем-то полезной.

Лера улыбнулась, закрыла глаза. Она действительно счастлива! Просто летает от счастья. Она ответила любовью на любовь, и по-другому просто не могло случиться. Потому что она не умеет любить по-другому. Ее Паша – самый лучший человек на земле. Вот только откуда эта неясная, словно тень, тревога, не дающая ей в последние дни покоя? Как перед бедой! Откуда эти предчувствия, что безоблачное счастье не может продолжаться вечно?

Шепот листвы над головой, всплески грациозно плавающих по зеркальной глади озера лебедей незаметно затормаживали прыть любопытствующего сознания, и уже не хотелось задавать себе провокационные вопросы, а тем более отвечать на них. Спасительная дремота окутала Леру, погружая в безмятежность. Луч закатного солнца подобрался к спящей и принялся нещадно светить в лицо, отчего Лера нехотя проснулась. Мысли тут же окунулись в воспоминания, заставляя ее подводить итоги, делать выводы и принимать решения. А если она не желает?

Книги Павла пользовались сногшибательным успехом. В каждой семье Энска имелось по несколько экземпляров с его автографами, потому что жителям было лестно осознавать, что они проживают в одном городе с будущей мировой знаменитостью, в чем нисколько не сомневались, и все ждали, когда же Павел переберется в Москву, где возможностей для продвижения к славе куда больше.

Но Павел в столицу не торопился. Тем более теперь, когда переехал из небольшой двушки в просторную Лерину квартиру и жил как барин: по утрам допоздна валялся в постели, на работу его никто не гнал, как прежде матушка, которая все еще ходила на службу в администрацию, мечтая о спокойном отдыхе на пенсии. Теперь она точно бросит работу, так как благополучно – можно сказать, из рук в руки – передала сына жене. Вот и славно, потому что теперь Павел всецело принадлежит только Лере.

Оказалось, что он совсем не был, что называется, честолюбивым и его в жизни все устраивало. По крайней мере, так думала Лера, которая обеспечила любимого мужа всем необходимым, лишь бы он писал. Ходила на цыпочках, старалась лишней раз не попадаться ему на глаза, превратилась для него в

нянюку, прислугу, девушку по вызову и прочий обслуживающий персонал. Теперь, когда ему никто не мешал, он мог всецело погрузиться в творческий процесс.

Но что-то случилось, чего Лера не может объяснить для себя до сих пор. Павел днями и ночами пролеживал диван и предавался мечтаниям.

– Я пишу бестселлер, роман века, – неизменно отвечал он на немой вопрос Леры. – Хватит уже тратить свой талант на примитивные копеечные детективы для глупых обывателей.

Лера с ним соглашалась и покорно запасалась терпением, мучительно соображая, как им умудриться дожить до ее зарплаты. Денег катастрофически не хватало, а Павел требовал вкусной и здоровой еды, которая бы питала не только его тело, но и мозг, наотрез отказывающийся работать без спецпайка: красной рыбы, черной икры, натурального мяса без вредоносных добавок и хорошего вина для поддержания духа и соответствующего творчеству настроения.

Тот факт, что у других писателей обычно есть вторая профессия, которая и помогает выжить между творческими всплесками, на мысль о том, что хорошо бы пойти поработать, Павла не наводил. А уж Лера и подавно не станет делать ему завуалированных намеков, так как понимает, что творческая личность как более высокодуховная и непредсказуемая нуждается в особом обращении. Она же сама является личностью приземленной и более приспособлена к суровой действительности, а потому должна обеспечивать все мыслимые и немыслимые условия для полетов фантазии Павла.

Но пустые листы бумаги, вынутые наконец из пачки и разложенные на столе, так пустыми и оставались. Ни одной строчки, ни единого слова... Такая же пустота теперь и в ее жизни, которая замерла в своем развитии и словно ждет чего-то – какого-то действия, события или эмоции, чтобы продолжиться вновь.

Лера принялась рассматривать в воде отражение ясного голубого неба и огненного шара солнца, распыляющего слепящие блики прямо в глаза.

«Я смотрю – но вижу ли?! Если все время нахожусь или в прошлом, или в будущем. Существует ли этот мир на самом деле? И существую ли в этом мире

я?»

Она прищурилась, пытаясь ускользнуть от прямых лучей, и пересела ближе к середине скамьи, в прохладу густой листвы дерева.

«Наверное, все же существую, если реагирую на свет. А достаточно ли этого, чтобы понять, что я живу полноценной жизнью, а не являюсь чьим-то отголоском?»

Солнечные лучи снова подобрались к ней, заставляя последовать за убегающей тенью. И только тут Лера заметила сидящую рядом куклу.

«Наверное, кто-то из детей оставил, – подумала она, оглядываясь. – Сейчас заметят пропажу и примчатся. – Лера внимательно посмотрела на соседку. – Кукла-то необычная, дорогая. Может, даже коллекционная. С такими на улицу гулять не выходят. Да и детям вряд ли в руки дают. Не дай бог сломают. Как она сюда попала?»

Лера заозиралась по сторонам. Гуляющих к вечеру прибавилось, но подсесть к ней никто не решался, видя, что место занято куклой. Прохожие бросали странные взгляды на Леру и шли искать пустующие скамьи.

– И сколько ты тут сидеть собралась, подруга? – повернулась Лера к кукле. – Из-за тебя меня считают в лучшем случае нелепой, а в худшем – не в своем уме.

Она пригляделась к молчаливой соседке: черные, мелко вьющиеся длинные волосы, огромные – на пол-лица – карие глаза, пушистые ресницы, которым можно только позавидовать, широкий короткий нос, пухлые щечки и карамельного цвета губки бантиком. Кукла как кукла. Вот только непривычно темный для кукол цвет кожи, вернее, силикона, из которого выполнены лицо и тельце. Ну подумаешь, кукла-мулатка в роскошном золотистого цвета платье и крохотных золотых туфельках из натуральной кожи. И еще очень похожа на живую. Видимо, искусный мастер ее изготовил.

Желание посмотреть закат, сидя на любимой скамье, у Леры почему-то улетучилось, и она решительно поднялась. Еще раз на всякий случай огляделась, не идут ли хозяева за куклой. Она почти каждый день приходила сюда полюбоваться красотами природы, но сегодня, по всей видимости, это не

удастся. Словно кто-то живой сидит рядом и подглядывает за ней, ворует положительные эмоции и подслушивая мысли. Лера не только не готова к такому, но и категорически против подобного растаскивания ее отличного настроения, которым она делиться ни с кем не собирается. Потому что ей и самой его не хватает.

– Твоя взяла. Можешь оставаться и сколько угодно любоваться на прекрасную картину, которой ты меня лишаешь. – «Вернее, ты лишаешь меня воспоминаний о прошлом и мечтаний о будущем». – Кстати, а почему до сих пор за тобой никто не идет? Провинилась перед хозяином? Значит, не такая уж ты и тихоня, какой прикидываешься. Ну пока, подруга. Не скучай.

Лера поднялась и пошла прочь от скамьи.

– Возьми меня! – вдруг услышала она за спиной требовательный голосок и остановилась.

Этого еще не хватало! Так вот откуда здесь кукла: где-то рядом в кустах припрятана скрытая камера, а шутники-любители решили развлечь публику таким вот проверенным уже способом, собираясь выложить заснятый материал в интернете. Лера огляделась, вокруг так много кустарников и деревьев, что при всем желании никого не разглядеть. Ну что ж, дорогие юмористы, она сейчас тоже пошутит: заберет куклу с собой, и им ничего более не останется, как выйти из укрытия и слезно умолять вернуть дорогую игрушку.

Лера вернулась к скамье, и роскошная кукла благополучно исчезла во вместительной сумке. Быстрым шагом Лера направилась через парк к выходу, ожидая каждую минуту погони. Она уже почти добралась до ворот парка, которые в обязательном порядке запирались на ночь, но никто из предполагаемых догоняющих так и не появился.

А может, никого и не было? Лере просто почудился чей-то голос. Или обращались совсем не к ней, а к кому-то другому. Может, это ребенок, которого она не заметила в кустах, звал своих родителей? Лера растерянно обернулась. Прогуливающих довольно много, и она даже не знает, на кого смотреть. Да и нужно ли? Главное – никто не обращает внимания на Леру, занят разговорами со спутниками или любуется великолепным пейзажем.

И что теперь – возвращаться в другой конец парка, чтобы вернуть злополучную куклу на скамью? Нет уж! Лера направилась к сторожу, вышедшему из домика. Но не успела подойти ближе, как наперерез ей бросился мужчина, ведущий за руку девочку лет восьми.

– Это что за безобразие?! Вы когда, наконец, наведете порядок в парке? – Мужчина опередил Леру и первым подошел к сторожу. – По парку разгуливают собаки, а вам и дела нет? Для кого все эти таблички «Собак выгуливать запрещается»?

– Да что случилось-то? – примиряюще начал сторож. – Вы, гражданин, не волнуйтесь так. Я строго слежу за тем, чтобы на территорию парка никто не проникал с собаками.

– На мою дочь только что чуть не напала собака. Здоровая такая, с бешеной мордой – ротвейлер. Это просто безобразие, что у вас здесь творится!

– Пап, ну пойдем домой, – потянула девочка отца к выходу. – Мне страшно, я домой хочу!

– Видите, как ребенок напуган?! – не унимался мужчина, все больше распаляясь при виде добродушно улыбающегося сторожа. – Немедленно удалите хозяина с собакой из парка! Здесь же детей полно!

– Простите, но это какое-то недоразумение. Повторяю: я строго слежу, чтобы в парк не проникали отдыхающие с собаками.

– Тем не менее они проникли. Поэтому я требую, чтобы вы приняли соответствующие меры!

– Может, и в самом деле выдворить хозяина с собакой из парка? – предложила подошедшая Лера. – Раз не положено, то законы для всех одинаковы.

– А вас никто не спрашивает! – огрызнулся сторож и злобно уставился на Леру. – Идите, гражданочка, куда шли!

– Вообще-то, я шла к вам. Кто-то оставил на скамье возле озера дорогую куклу. И я хотела отдать ее в бюро находок, но не знаю, где это. Может, вы мне подскажете?

– Куклу? Какую еще куклу?! – побагровел сторож, и присутствующим стало ясно, что он нетрезв. – Идите отсюда, гражданочка, подобру-поздорову со своими глупостями! И сами толком не отдыхаете, и другим отдохнуть не даете.

– Это ты про себя, что ли, говоришь? Это мы тебе отдыхать мешаем?! – возмутился еще больше мужчина. – Так вот, значит, как ты парк охраняешь и отдыхающих, – водку хлещешь?!

– Пап, ну пойдем домой! – тянула за руку девочка не на шутку распалившегося отца.

– Сейчас, доча. Вот только вставлю мозги этому горе-охраннику. Так ты, пьянь, собираешься выгнать хозяина и его собаку с территории парка или нет?!

– Нет, не собираюсь! И нечего тут командовать!

– Ах, не собираешься? Тогда мне за тебя придется выполнить твои обязанности. – Мужчина неожиданно оттолкнул сторожа и, заскочив в его домик, тут же вышел с ружьем в руках. – Я сам расправлюсь с собакой, если у тебя кишка тонка.

– Не смей брать оружие! – кинулся к мужчине сторож и принялся вырывать из его рук ружье.

Завязалась борьба. Никто не хотел уступать, считая себя правым. Но если кто-то из двух прав, другой поневоле оказывается виноватым. А виноватого хочется уничтожить.

Прогремел выстрел, прокатившийся эхом по всем закоулкам парка и прозвучавший так неожиданно и громко, что, казалось, все замерло вокруг: остановились в движении люди и настороженно завертели головами, замолкли птицы, прислушиваясь к нависшей над парком тишине. Никто не сдвинулся с мест, так как не знал, с какой стороны ожидать опасности.

Тишину нарушил истошный крик девочки. Она смотрела, как сгибается вдвое отец, держась за живот, из которого струями хлещет кровь. Лера вышла из ступора, схватила девочку за руку и потащила к выходу из парка. Навстречу уже бежали люди, пытающиеся увидеть происшедшее воочию, чтобы потом было что порассказать. Глаза Леры словно заслонило туманом, она видела перед собой только узкую полосу дороги, по которой пробиралась к стоящей за воротами парка скамье. Она села и прижала к себе рыдающую девочку.

Вскоре подбежали люди в белых халатах и их разлучили. Рядом на скамье устроился полицейский, открыл блокнот, записывая показания, координаты. Снова подошел врач, но Лера отказалась ехать в больницу. Она хотела лишь одного – чтобы ее оставили в покое. Ей хотелось поскорее домой, лечь в постель, избавиться от этой противной мелкой дрожи и больше ни о чем не думать. Она ни в коем случае не должна позволить сомнениям вторгнуться в ее счастливую жизнь. Зачем Лере чужие несчастья, если ей своих с лихвой хватило? Нет, только не принимать все случившееся близко к сердцу! Свою долю горя она уже получила и пережила, свои слезы выплакала – с нее довольно!

Глава 4

Лера не помнила, как доплелась до квартиры. Молча прошла мимо Павла, направилась в спальню и без сил повалилась на кровать.

– Что это с тобой? На тебе лица нет! Заболела, что ли? Но ведь ты никогда не болеешь. Не хватало мне еще в лазарете жить! Ты сначала еду мне приготовь, а потом лежи сколько хочешь.

– Сам приготовишь, не маленький.

– Не понял! Это что же – бунт на корабле?!

Павел все же прав, как ни странно. Весь год она кормила его почти из ложечки и так приучила к роли потребителя, что он и в самом деле умрет с голоду, если Лера ничего не приготовит. А если не умрет? Может, провести эксперимент? Конечно, лучше накормить, может, тогда он наконец сядет за письменный стол,

а Лера хоть немного отдохнет от случившегося. Но сил нет подняться.

- Так и будешь лежать?

- Так и буду.

- Тогда я иду в ресторан... Мне нужны деньги.

- На ресторан у меня денег нет.

- А если я поищу?

Лера уже пожалела, что перечит ему. Теперь Павел выгребет из кошелька все деньги, что найдет, и промотает. Так уже было, и не раз. Ну и пусть! У Леры нет сил даже на возмущение, так она устала.

Вот сейчас хлопнет за ним входная дверь, и Лера погрузится наконец в глубокий сон. За все в жизни приходится платить, даже за отдых, который она и без того заслужила, и за спокойный сон. Платить, конечно, придется, но не ценой же назревающего недовольства и последующих обид на ровном месте? Как малое дитя, честное слово! Впоследствии Лера всегда жалела, что из голого принципа шла мужу наперекор, так как все равно оказывалась крайней и виновной во всех грехах.

В квартире воцарилась гробовая тишина, которая совсем не способствовала засыпанию. Почему Павел не уходит? Может, обиделся на нее и улегся на диван, лицом к стенке, как это делал частенько, пытаясь пробудить в Лере чувство вины? И пробуждал же! Потому что понимал, что Лера никогда не допустит, чтобы он на нее обижался. Ведь при этом Лера чувствовала себя чуть ли не монстром. Неужели она его так сильно любит, что позволяет из себя веревки вить?

Помучившись еще немного и поняв, что заснуть не удастся, Лера поднялась. Ладно уж, сама виновата, что превратилась в няньку. Тем более что ей ничего не стоит приготовить что-то вкусненькое для мужа, похоже, очень любимого, если она готова пойти на что угодно, лишь бы сделать его драгоценную жизнь более комфортной. Да, она бесконечно любит этого большого и капризного ребенка. А

на детей, как известно, не обижаются, особенно на своих.

Все время – он, он и снова он, а когда же Лера хотя бы разок вспомнит о том, что и у нее есть какие-то потребности и желания? Может, ждет, пока в муже проснется былая любовь, которая теперь спит без задних ног? Не все же думать только о себе, любимом! Долго же ей придется ждать! Ну почему же долго? Как только у Павла в кармане зазвенят монеты, он снова превратится в щедрого и заботливого мужа. А если Лера ему не поможет, книгу он никогда не напишет, а значит, и денег ему не видать, как... Ну, в общем, лучше ей подняться, пока великий писатель не умер с голоду. И опять Лера мысленно поругала себя за ехидство, как делала это постоянно.

Она прошла по коридору в сторону кабинета, мельком отметив, что ее сумка с комода возле входной двери исчезла. Постояла немного у комнаты Павла, прислушиваясь, постучала и, не услышав ни звука в ответ, вошла. Павел и в самом деле лежал на диване лицом к стенке, а на полу возле него валялась выпотрошенная сумка. Неужели кошелек не нашел? Так вот же он лежит, рядом с сумкой.

– Паша, с тобой все в порядке? Ты не обижайся, просто я сегодня совсем вымоталась на работе: отчеты, выяснения отношений с коллегами и начальством – кто что сказал и кто не так на кого посмотрел – и прочие радости чисто бабского коллектива. На работу уходит в два раза меньше времени, чем на сплетни и склоки. Да еще эта трагедия в парке... Что с тобой – ты себя неважно чувствуешь или просто голоден? Так я сейчас что-нибудь вкусненькое приготовлю. Что ты хочешь?

Леру охватила жалость к этому ранимому и излишне эмоциональному здоровяку, которого с детства не научили любить кого-то, кроме себя. И она, выйдя за него замуж, только усугубила его и без того незавидное положение.

– Ты меня слышишь, Паша? – Лера склонилась и через плечо заглянула в лицо мужа.

То, что она увидела, не поддавалось никакому объяснению: расширенные от ужаса глаза, перекошенный в гримасе рот. Лера развернула неподвижное тело на спину, и взгляд Павла уперся в потолок.

– Павел, да что с тобой?! – Лера потрясла мужа за плечи, похлопала по щекам, но он никак не отреагировал.

Лера бросилась вызывать «Скорую». Пока ждала, чего только не передумала: и сердечный приступ, и инфаркт, и insult. Сунула ему в рот капсулу нитроглицерина и принялась растирать щеки, грудь, ледяные руки. К ногам положила горячую грелку.

Через двадцать минут она сопровождала Павла в больницу и никак не могла поверить в то, что здорового, в общем-то, на вид и никогда не жалующегося на сердце мужчину может хватить удар. Да с чего, с какого такого, как говорится, перепугу? Жил себе, не тужил, на всем готовом, работой не перегружен, эмоциями не перенапряжен, ухожен и окружен любовью – чего же еще-то не хватало?

Павел начал осознавать происходящее вокруг только на следующий день. Лера пыталась его о чем-то спрашивать, но он упорно молчал, не желая разговаривать. А в глазах застыла такая вселенская тоска, что Лера снова и снова чувствовала себя виноватой. И теперь вина нависала над ней огромной глыбой, грозящей раздавить своей тяжестью до пылинки.

Вечером приехала для серьезного разговора встревоженная свекровь.

– Лера, я не знаю, что произошло между вами, но Паша в таком ужасном состоянии, что я требую объяснений! – Вера Павловна едва сдерживала слезы.

– Я не знаю, почему это с ним случилось. Мы немного повздорили, но ничего серьезного.

– Повздорили?! Ты что – тетка необразованная? Да как можно с ним поссориться, скажи пожалуйста?! У Паши душа светлая, как у ребенка, и она нуждается в защите. Женившись на тебе, он распахнул душу перед тобой, а что сделала ты? Ворвалась в нее, исковеркала и считаешь, что не произошло ничего серьезного?!

– Да, я согласна, что не была с ним достаточно терпеливой. И я очень раскаиваюсь.

– Раскаиваешься – и только?! А ты знаешь, сколько теперь нужно денег, чтобы Пашеньку на ноги поставить? Он почти парализован, даже говорить не может! – И Вера Павловна дала волю слезам.

– Вера Павловна, я люблю Пашу и все сделаю для того, чтобы он поправился. Я найду еще одну работу. Буду работать день и ночь.

– Да разве столько заработаешь?! Придется мне свою квартиру продавать, не иначе... Пойду я. Что-то мне нехорошо. Как бы самой не свалиться. Кто тогда за ним присмотрит? Знаешь, не для того я растила и лелеяла сына, чтобы какая-то безродная девка угробила его скандалами. Я знаю, что сделаю: в суд на тебя подам! Он, живя с тобой, стал калекой. Надо же, инвалид в тридцать три года! Да я тебя в тюрьму за него упеку, так и знай!

После ухода свекрови Лера бродила по пустым комнатам, осознавая, что счастьем ее пришел конец. И если она не предпримет все возможное и невозможное, чтобы вернуть мужа, она уже не будет счастлива никогда и ни с кем. Ну почему только после потери осознаешь, каким сокровищем владел?

Лера не знала, как реагировать на заявление свекрови. Мгновенно ее семейная жизнь превратилась в счастливое прошлое, о котором остались лишь воспоминания. И снова она ощутила, что не существует в настоящем времени. Ее словно вычеркнули из жизни, как это делали когда-то в детдоме, лишая маленьких каждодневных радостей в виде общения и внимания, не говоря уж о ласке и любви. Теперь у нее пытаются отнять единственного на свете любимого человека. И Лера решила, что Павла она не отдаст никому!

Всю неделю Лера вынуждена была ходить в полицию, пока длилось следствие по делу о трагическом событии в городском парке. Ведь она главная и единственная свидетельница происшедшего. Встречи с адвокатом сторожа выматывали донельзя, и домой Лера возвращалась усталая и разбитая. Адвокат настаивал на том, что убитый сам себя застрелил, а сторож ни при чем, он только выполнял свой долг. Руководство парка, поддерживаемое администрацией города, сделало все возможное, чтобы скрыть регулярное пьянство своего работника на рабочем месте. А показания Леры в расчет не брались, так как освидетельствование сторожа на алкоголь не проводилось.

Более того, сторож сам заявился на квартиру к Лере и пригрозил, что если она начнет распускать о нем сплетни, то ей не поздоровится. С этого момента Лера старалась после работы зря из дома не выходить, разве что в больницу к Павлу. Она оформила отпуск, чтобы получить отпускные, но продолжала ходить на работу, так как денег ни на что не хватало.

До суда сторож не дожил. Через неделю после происшествия, которое было расценено полицией как несчастный случай, его тело обнаружили в озерке среди плавающих лебедей. Второй несчастный случай за неделю – не слишком ли? И снова дознания, подозрения в причастности Леры к случившемуся.

Как резко все изменилось в ее жизни. И не в лучшую сторону. Любимого дитяти-мужа, о котором она постоянно заботилась и которого до этого момента – втайне от себя! – считала чуть ли не хомутом на шее, рядом больше не было, и это, как ни странно, делало ее жизнь бесцельной. Лера чувствовала опустошение, ее словно выбросили из жизни. Неужели без Павла она и не существовала на белом свете?

На работе происходило нечто странное. Все, с кем Лера обычно общалась, старались делать вид, что ее рядом нет, уклоняясь от разговоров и вопросов. В городе знакомые при встрече переходили на другую сторону улицы или сворачивали с ее пути, скрываясь в переулке или заходя в подъезд первого попавшегося дома. Уж на что соседи, пытающиеся под маской вежливости и доброжелательности выведать у нее побольше о личной жизни, и те, переборов любопытство, мгновенно скрывались за своими дверьми или отворачивались, не желая здороваться и не отвечая на приветствие. Дальше это не могло так продолжаться, и Лера позвонила Вере Павловне.

– А что ты хотела? Что могла, ты натворила – сделала свое черное дело. И как ты дальше с этим будешь жить, я даже не представляю. Выйдет это тебе боком, вот попомнишь мои слова! Зло никогда безнаказанным не остается.

– Да что – это?! Я не понимаю, о чем вы говорите!

– Хватит придуриваться, все ты хорошо понимаешь. Шила в мешке не утаишь. Уже все заметили, какой у тебя дурной глаз: где ни появишься, там беда случается. Жаль, что я раньше не разглядела, что ты одни несчастья приносишь, а то бы давно тебя с Пашей развела. Я, конечно, понимала, что вы не пара, но

все надеялась, что ты образумишься, хоть внука мне родишь. А ты как была дикаркой, так ею и осталась.

– Но вы же сами убеждали меня, что Паша еще не готов к ребенку, что он сам все еще ребенок.

– Я и сейчас это говорю, и буду говорить. Потому что Паша, сколько бы ему лет ни было, так и останется моим ребенком. Но для тебя-то он муж, а не ребенок! И если бы ты это осознавала, родила бы ему дитя. И тогда он превратился бы в мужчину, если до женитьбы сам оставался ребенком. На то ты и жена, чтобы сделать из него настоящего мужчину. Однако ты со своей задачей не справилась.

– Наверное, не захотела одна тащить двух детей на своем горбу, – пробормотала Лера.

– Вот потому тебе бог детей и не дает, – заключила свекровь. – Может, и к лучшему. Порченная ты. Я всегда чувствовала в тебе какую-то фальшь. А теперь и люди заметили. Тебе нужно уехать из города подобру-поздорову, пока какой новой беды не случилось. Ведь люди тебе не простят еще одной оплошности.

– Я не понимаю, про какую беду вы говорите.

– Так я тебе растолкую, если ты такая непонятливая. Паша из-за тебя не только писать перестал, но здоровья лишился. Твоя беда в том, что ты с детства ласки не знала, потому и очерствела, сама скупа на ласку стала. Я понимаю, это не вина твоя, а горе. Горе же, как известно, заразительно. Еще не забыла, что в городском парке на твоих глазах произошло? Человек сам себя застрелил. А потом и сторожа утонувшим в озере нашли. Это правда, что он приходил к тебе и угрожал?.. Хотя какая теперь разница, человека-то не вернешь. Так что уезжай, пока люди вслед тебе не стали плевать да пальцем тыкать. А ведь все к этому ведет.

– А может, это вы про меня по городу страшилки распускаете? Может, мне вас нужно за это благодарить?

– Ох и дурочка ты еще, хоть и взрослая женщина! Да, не отрицаю, не люблю я тебя. Но никогда бы столь тяжкий грех, как клевета, на душу не взяла, да еще

по отношению к сироте. А что люди по городу болтают, так их тоже можно понять: никому не хочется, чтобы ты с кем-то еще своими несчастьями делилась. Ты, например, знаешь, что у убитого в парке двое детей остались сиротами? А у сторожа и вовсе трое. Две вдовы, пятеро детей без отца и безутешные родители с кучей родственников – тебе этого мало? Не говоря уже о твоём муже, который к постели прикован!

– Да я-то здесь при чем?!

– А при том, что порченная ты, но вместо того, чтобы очищать себя, заражаешь несчастьями других. Уезжай, пока еще чего не случилось. Ведь люди снова на тебя спишут, не станут долго разбираться. А если без тебя что и произойдет худое, то все будут знать, что ты уже ни при чем. В Москву поезжай, там с работой полегче. Не забыла, надеюсь, как поклялась, что поможешь Пашу на ноги поставить? Квартиру свою, как я поняла, ты продавать не собираешься?

– Если продам, где же мы будем жить, когда Паша поправится? Я лучше на двух работах буду в Москве работать, чтобы вам денег побольше высылать.

– Что ж, и на том спасибо, что не считаешь Пашеньку безнадежным и помогать собираешься. А я здесь вашу квартиру буду сдавать, еще какая-никакая денежка появится.

И Лера действительно решила уехать. Туда, куда все сейчас едут, – в столицу. Купив билет и уложив вещи, она сходила в больницу навестить Павла. Он лежал, уставившись в потолок, и, казалось, не слышал, о чем она ему говорит.

– Паша, я пришла проститься. Твоя мама настаивает. То есть я хочу сказать, что мы с твоей мамой решили, что мне лучше поехать на заработки в Москву. Ежемесячно я буду высылать деньги на твое лечение. Я уже не раз просила у тебя прощения за то, что стала невольной виновницей твоей болезни. Прошу простить меня еще раз! Я хочу, чтобы ты знал: я люблю тебя и никогда не брошу! До тех пор буду биться за твое здоровье, пока ты не поправишься. А уж потом сам решишь, стоит ли со мной жить дальше или... Я верю, что у нас с тобой все наладится и мы будем счастливы. Мне пора. Я уже купила билет на поезд, уезжаю через час. Пожалуйста, прости меня! И не поминай лихом. Я не такая плохая, как обо мне болтают. И я это тебе докажу. Прощай, дорогой!

Лера поцеловала в щеку безучастного Павла, сверлящего взглядом какую-то только одному ему видимую точку, и вышла из палаты. Она ничего перед собой не видела, так как слезы размывали картинку действительности, искажая до неузнаваемости. Неужели отныне ей придется судить о мире через призму преследующего ее по пятам горя? Ну уж нет! Она вытащила из сумки зеркальце, вытерла платком слезы и дала себе слово, что костями ляжет, но поставит мужа на ноги.

Вернувшись домой, Лера застала в квартире свекровь.

- Где ты ходишь, тебе уже на вокзал пора. Все взяла, ничего не забыла?

- Все. За зимними вещами потом приеду.

- Береги себя и помни, что теперь ты, как жена, за Пашу отвечаешь. Не захочешь по-доброму ему помогать, через суд заставлю. По закону ты теперь должна всю оставшуюся жизнь, пока Паша окончательно не поправится, платить алименты на его содержание.

- Зачем вы так? Я же не отказываюсь.

- Еще бы ты отказывалась! Я просто предупреждаю. А то уедешь в столицу, там у тебя от красивой жизни головка закружится, ты и забудешь о больном муже. Только если что, я тебе непременно напомню про твои обязанности.

Спорить или что-то доказывать у Леры не было ни сил, ни времени. Она позже обдумает эту ситуацию. Хотя что тут думать-то? Ее выгоняют из дома! А может, и дома-то у нее никогда не было и это всего лишь иллюзия? Неужели и семья ее такая же иллюзия, в которую она поверила? Как была она для всего света чужой, такой и осталась...

Лера смотрела из окна вагона на проплывающий мимо родной город и словно расставалась с прежней жизнью. Что ее ждет впереди?

Голубизну неба в это утро не омрачало ни единое облачко, и солнце ласкало теплом и светом зеленые поля, темные хвойные леса и мелькающие деревеньки, которые казались декорациями разворачивающегося перед Лерой театрального

действия, называемого жизнью. Это начало нового отрезка ее жизни. Впереди Леру ждет – или нет, но это уже не важно, так как она все равно в пути, – огромный мегаполис со своими законами. И законы эти ей предстоит понять и изучить, чтобы не только не пропасть без вести, а еще и вырвать из лап коварной судьбы предназначенное лишь для Леры, но всячески укрываемое от нее счастье. И она готова заявить о себе и потребовать свое, заработанное и заслуженное. Чужого Лера не возьмет, но и своего никому не уступит.

Соседи по купе – командированный и немолодая путешественница чета – уже крепко спали, а Лера все следила за медленно плывущими за поездом и переливающимися разноцветными россыпями высокими звездами, пока сон не сморил ее. Проснулась рано и снова наблюдала из окна, теперь уже за бледнеющим небом, постепенно наливающимся ясным перламутровым светом. Вот и первые лучи солнца заиграли на кронах деревьев, заискрились на окропленных росой молодых зеленых насаждениях полей.

Москва Леру покорила всецело: простор, многолюдье, а главное – безграничные возможности, которые столица обещала. Но в глаза бросалась не только ослепительная роскошь витрин магазинов, помпезных зданий и пронесившихся мимо великолепных автомобилей, но и довольно разношерстная публика, с которой Лера столкнулась, как только ступила на перрон вокзала.

Именно по выражению лиц можно определить, кто из них добился чего-либо в жизни, а кому не удалось воплотить мечты в реальность, и теперь они погружены в уныние, перестав бороться, смирившись со своей участью. А может, это только приезжие, которые чувствуют себя неуверенно в чужом для них мире?

Оставив вещи в камере хранения, Лера спустилась в метро. И снова увидела те же усталые лица, потухшие взгляды, по которым можно смело делать вывод, что не каждому суждено достичь собственной реализации. Видимо, это огромное счастье, и дается оно только избранным. А жаль, ведь человек мог бы стать творцом и создателем собственной жизни. Интересно, а в метро они спускаются, избранные-то? Хотя бы иногда?

Но не все так плохо, как кажется. Вот стайка молодых ребят и девушек впорхнула в вагон, и тут же – смех, жизнерадостные возгласы, вот она – радость бытия. И понуро сидящие пассажиры неожиданно для себя приободрились, глаза их благодарно засияли, словно они вдруг вспомнили, что не так уж и

беспомощны, чтобы опускать руки, и у них еще есть порох в пороховницах. Как же веселье и оптимизм заразительны!

Перед тем как ехать в столицу, Лера на всякий случай нашла в интернете несколько адресов с телефонами работодателей, предоставляющих жилье, на котором она планировала экономить. Однако нечто, предложенное ей под видом жилья, оказалось совсем непригодным для проживания. Это были ночлежки в компании каких-то убогих личностей, почти ничем не отличающихся от бомжей, которых неизменно можно встретить около метро и в переходах. Даже у Леры, бывшей детдомовки, выдавшей вида, соседство подобной компании вызывало смятение и неподдельный ужас, и она впервые вспомнила о детском доме с теплотой, несказанно ее удивившей. Во всяком случае, там она хотя бы спать могла спокойно. Однако ничего удивительного здесь не было, так как все познается в сравнении.

Отказавшись и от так называемого койко-места, и от работы, Лера занялась поисками жилья. Найденная крохотная комнатенка, жалкая и нищенская, но с высоченными потолками, отличалась от прежней лишь тем, что в ней не проживали разные темные личности. И все же нечто присутствовало в квартире, но по соседству. Спившийся тощий неопрятный мужичок, вышедший из соседней комнаты после ухода хозяйки, пытаясь разглядеть Леру мутным взглядом, сначала многозначительно похмыкал, затем ехидно заявил:

– Ну-ну, поглядим, как ты здесь уживешься! Меня Николаичем зовут. А вот твоего имени даже не спрашиваю, потому как не пригодится.

Хозяйка, одинокая старушка, сбежавшая от беспокойного соседа к своей подруге, заранее предупредила Леру, что вынуждена сдавать комнату по столь низкой цене только из-за «этого несносного дебошира, который уже вымотал все нервы и выпил всю кровушку». Именно приемлемая цена и близость метро подкупили Леру. Заплатив за два месяца вперед с условием, что в случае, если она решит съехать раньше, деньги ей не вернут, так как она оповещена об имеющемся неудобстве, Лера перебралась в комнату. Даже вещи разбирать не стала, так намучилась за день, сразу легла на старенький диванчик и уснула, закрывшись на ключ и защелку.

Всю ночь сосед, пригласивший собутыльников, устраивал шумные действия со скандалами, битьем посуды, даже к ней в комнату пытался ломиться, но просыпавшаяся время от времени Лера предвидела нечто подобное, а потому,

удостоверившись, что дверь на вид хоть и хлипкая, но натиски стойко выдерживает, снова засыпала, так как усталость брала свое.

Только утром Лера как следует разглядела комнату, которая ей досталась для временного – хотя кто знает, как там дальше обернется, – проживания. В этой грязи она, конечно, жить не собирается, а потому – потолок побелит, обои обновит, полы отдраит, окно приведет в порядок и купит шторы, а еще подушку, матрас на диван и постельное белье. Все это, несомненно, обойдется в копеечку, но как же нужно не уважать себя, чтобы жить в такой беспросветной грязи и убожестве?! Лера даже вещи не станет разбирать, пока не приведет комнату в порядок.

Она съела бутерброд, запивая кефиром, и отправилась в соседний супермаркет, который приглядела еще вчера. Там нашла все, что нужно для осуществления грандиозных планов по обустройству уютного гнездышка. Нагрузившись не хуже вьючной лошади, наконец добралась до своего нового и пока еще непригодного для проживания жилища.

Разгрузившись в коридоре, Лера открыла комнату и замерла на пороге: две ее спортивные сумки были основательно выпотрошены, а вещи разбросаны по полу. Это означало только одно: у соседа есть ключ от комнаты. Лера прошла на кухню, прихватила с собой чугунную сковородку и решительно двинулась в комнату соседа, понимая, что если она с первого же дня не поставит его на место, то ей и в самом деле придется терпеть все его выходки или съезжать отсюда, чего она делать не собирается.

Лера подошла к комнате соседа и прислушалась. Не услышав ни звука, постучала и снова прислушалась. Не дождавшись ответа, толкнула дверь, оказавшуюся незапертой, и осторожно вошла в комнату, крепко сжав в поднятой руке сковородку и приготовившись к защите или нападению – уж как придется. Но открывшаяся перед ней картина привела Леру в замешательство, и она опустила оружие самозащиты, пытаясь разобраться, что же здесь происходит.

В центре большой полупустой комнаты – раза в три большей, чем та, которую заняла Лера, – за круглым столом под облезлым абажуром застыл изваянием окаменевший сосед. Всклокоченные, стоящие дыбом волосы, выпученные красные глаза и немигающий взгляд, обращенный на сидящую перед ним куклу.

Лера подошла ближе. Да это же та самая кукла, которую она нашла на скамье в парке! Но откуда она здесь? Лера хорошо помнит, что, не решаясь выбросить, спрятала ее в кладовке среди зимних вещей, которые пока не взяла с собой. А может, это какая-то другая кукла? Да нет же, та самая. Другой такой быть просто не может, потому что она коллекционная и наверняка изготовлена в единственном экземпляре.

Лера перевела дух. Ну и дела! Ему-то ее кукла зачем понадобилась? Ее?! Значит, Лера уже считает куклу своей? Хотя если разобраться, то она больше все-таки Лерина, а не соседа.

- Эй, вы еще так долго собираетесь сидеть? Николаич, вы зачем взяли мою куклу? И зачем вломились в мою комнату и разбросали вещи?

Сосед даже не шелохнулся, словно оглох. Да жив ли он? Лера осторожно ткнула пальцем ему в плечо, и Николаич начал медленно заваливаться на бок, пока не упал на пол. Но и тогда выражение его лица не изменилось. А если он умер? Но притрагиваться к соседу Лера побрезговала. Она набрала номер «Скорой».

Сосед оказался жив, но в каком-то странном состоянии, которое даже врачи не смогли определить. Решив наконец, что бедняга просто-напросто перепил и его посетила белочка, потому он не соображает ни где он, ни что с ним, врач сначала отказывался его забирать. Но все же, чтобы перестраховаться, сделал электрокардиограмму, которая показала какие-то серьезные изменения в работе сердца, и ему так пришлось отвезти Николаича в больницу.

Лера осталась одна в квартире. Удобный момент, чтобы превратить руины в пригодное и довольно удобное жилье. Наведя порядок в каждом уголке двухкомнатной квартиры – Лера пожалела приболевшего соседа и даже в его комнате вымыла полы и окна, – она принялась за поиски работы. Банк, в который ее согласились взять после оформления регистрации и соответствующей проверки, находился довольно далеко от дома, но выбирать не приходилось. Ни зарплата, ни должностные обязанности Леру также не устраивали, но надо же было с чего-то начинать.

Лера так и не поняла, что случилось с соседом, но на всякий случай не стала избавляться от куклы, даже взяла ее в подруги, советуясь с ней по каждой мелочи. Она не верила ни во что сверхъестественное, однако подозревала, что

именно кукла волей или неволей помогла ей спастись от ограбления. К тому же Лере даже поговорить дома не с кем, а иногда так хочется, чтобы тебя выслушали. Слушательница из куклы оказалась просто незаменимая. И еще: она – единственное украшение комнаты. И этому украшению следовало найти подходящее место, например, на пустой книжной полке, а также придумать имя. Несмотря на цвет кожи, она вполне могла сойти за Марию. Или просто Марусю.

Сосед Николаич вернулся из больницы через три недели, тихо лежал у себя и почти не выходил. А еще через неделю сдал комнату и уехал на лето к родственникам в деревню, как посоветовали ему врачи, так как пить он уже почему-то не мог, а работать не было сил или – что вернее – желания.

Новой соседкой по квартире оказалась спокойная чистоплотная женщина средних лет, которая весь день пропадала на работе и приходила только переночевать. Осталось лишь о царящей в квартире благодати опрометчиво не проговориться Клавдии Матвеевне, старушке-хозяйке, которой наверняка захочется теперь или вернуться домой, или слупить с Леры двойную, а то и тройную плату за комнату. Ведь люди бывают так слабы, если появляется возможность ухватить больше, чем то, на что рассчитывали.

Лера сидела перед стареньким телевизором, как обычно в выходные дни, с небольшим подносом на коленях. Только так она представляла себе отдых после рабочей недели с многочасовыми поездками в суточные часы пик на метро до места работы и обратно, которые больше всего выматывали и отнимали массу сил. Готовить не хотелось, Лера обходилась бутербродами с колбасой и горячим чаем, который она отпивала небольшими глотками из большой красной чашки, купленной недавно в супермаркете на первую зарплату.

Как хорошо, что она пришлась ко двору. На работе Леру уже перестали считать чужой, так как она прошла испытательный срок, как говорится, без сучка без задоринки, показав себя исключительно с положительной стороны – профессиональна, доброжелательна, коммуникабельна и легка в общении.

Лера даже вздрогнула от неожиданного стука в дверь.

– Лерочка, пойдем на кухню, я тебя борщом накормлю, – услышала она голос соседки Валентины. – Хватит уже на сухомятке сидеть.

- Иду. - Лера поднялась с дивана. Неудобно отказываться, соседка уж очень удачная попалась, а потому и обижать ее не хочется.

Валентина сидела за столом в ожидании Леры и с нетерпением поглядывала на дымящийся борщ в тарелках, издающий такой притягательный аромат, что аппетит просыпался поневоле.

- Покушай со мной, составь компанию. Что-то как-то тоскливо стало одной. Сегодня борщ с говядиной приготовила. Наваристый получился, сытный, на весь день хватит.

- На вид - просто сказка, - похвалила Лера.

- Он и на вкус сказка, не сомневайся. Уж чего, а борщи я варить умею, - усмехнулась Валентина, подвигая к Лере банку со сметаной и тарелку с хлебом. - Ешь на здоровье! - И они дружно принялись за еду. - А ты горбушку бородинского чесноком натри, так и вовсе будешь есть с закрытыми от блаженства глазами, - советовала Валентина. - Мы так в детстве делали. И детство прошло, и юность пролетела, а привычка - кстати сказать, полезная для здоровья, - осталась. Слушай, может, мы с тобой по рюмашке выпьем? Уже неделю как бок о бок живем, а еще не отметили наше знакомство.

- Я не пью, - ответила Лера.

- Так и я не пью. И потом, я же тебе не вино предлагаю, а горилки. Своей, домашней. Сама делала. - Валентина вытащила из-под стола двухлитровую бутылку с мутноватой жидкостью и разлила по рюмкам. - Мы по чуть-чуть, для настроения. На чем я ее, родимую, только не гнала: и на рябине, и на полыни. А эта - пряная. Здесь тебе и мята, и анис, и грецкие орехи - в общем, все самое что ни на есть полезное.

- Даже не знаю. Если только по чуть-чуть.

- Да ты посмотри, под какую закуску я тебе предлагаю выпить - домашняя колбаска, кровянка, и сало копченое. Все своими руками приготовленное, экологически чистые продукты, а потому качественные и вкусные. И картошечка молодая вареная с укропчиком. Да это же грех - не выпить по рюмашке с такой роскошной закуской!

- За что будем пить? - отважно подняла рюмку Лера.

- Не за что, а за кого. За нас, за баб, давай выпьем. Чтобы нам все выдержать и не переломиться от тягот житейских. Ну, будьмо!

- Будьмо! - согласилась Лера и осторожно отпила из рюмки обжигающую нутро жидкость: какое же верное название для нее придумали.

- А вы, наверное, из Украины приехали?

- Из нее, родимой. Не хватает у нас работы для всех. Да и моя профессия вдруг стала не в чести. Представь только: учитель русского языка и литературы на Украине. Даже на ужастики не нужно ходить. А здесь работы куча - выбирай не хочу. Вот я и выбрала самую тяжелую - маляра.

- Но зачем?! Вы же здесь можете давать уроки, в школе работать.

- Нет, не могу. Я домой хочу вернуться, а для этого должна забыть то, чему меня в университете учили. Семья у меня там осталась - муж да двое деток. А еще родители старенькие, которым тоже моя помощь нужна. Да еще свекор со свекровью. На мне теперь все держится, а потому сдаваться никак нельзя. Может, еще по одной - за компанию?

- Нет-нет, спасибо! - Лера чувствовала, как у нее кружится голова и усталость накатила. - Я себя всегда такой беспомощной чувствую, когда выпью, а потому лучше воздержаться. Мне больше нравится, когда тело слушается.

- Ну как знаешь, настаивать не буду. Всяк человек сам знает свою меру. А вот я еще выпью. - И Валентина со вкусом выпила. Потом еще одну, и еще. - Поверишь, так устаю на работе, что уже и сил на дурные мысли не остается.

- Почему непременно дурные? Очень скучаете по детям?

- Если бы только это! Муж у меня - еще тот котяра.

- Потому что в год Кота родился?

– Какая же ты еще наивная! – улыбнулась Валентина. – Нет, он родился в год Свиньи. А повадки как у того кота в сказке: идет направо – песнь заводит, налево – сказку говорит. В общем, все равно что свинские. А сказки сказывает – заслушаешься. Кругом же все русалки, русалки – одна краше и моложе другой. И вся-то надежда на то, что детей очень любит. Да и не всякая русалка согласится его с детьми себе на шею посадить. Так что живу как в сказке. Ты не суди меня строго. Я вообще-то не пью. Но сегодня день такой: очень хочется забыть обо всем на свете. С тобой никогда такого не бывает? Хотя ты еще молодая. – Валентина пыталась сфокусировать пьяный взгляд на Лере, но ей это плохо удавалось. – Да, очень молодая. Только вот зря ты себя губишь!

– Вы о чем?

– О том самом, что ты пытаешься скрыть от меня, но тебе не удастся.

– Не понимаю.

– Да все ты хорошо понимаешь! Скажи, зачем тебе это? Поверь, ничем хорошим подобное не заканчивается. Откуда она у тебя?

– Кто?

– Хватит притворяться, ты прекрасно меня поняла, – нахмурилась Валентина. – Я про куклу спрашиваю. Как она к тебе попала? Только не ври. Я сразу пойму, не дурочка какая.

– А почему вы спрашиваете? Вы прежде где-то ее видели?

– Нет, не видела. Но знаю, что она существует.

– Я не понимаю! Что вы хотите сказать? Эта кукла какая-то необыкновенная? Так я и сама знаю, что она коллекционная. И очень дорогая.

– Еще бы! Да ей цены нет!

– Глупости! Всему есть цена. И уж тем более какой-то там кукле.

– Но это не просто кукла. – Валентина огляделась, словно боясь, что их кто-то может подслушать, и, наклонившись к Лере через стол, зашептала: – Это же она – сама королева кукол! Королева кукол Вуду! Слышала когда-нибудь о такой?

Лера даже поперхнулась от такой новости: этого еще не хватало! Она почувствовала, как по телу побежали наперегонки мурашки. Только сейчас Лера осознала, что беды – и не только для нее, но и для окружающих Леру людей – начались после того, как она забрала со скамьи куклу. Значит, детский голосок, что она услышала, тоже принадлежал кукле? И два трупа в парке, и парализованный Паша, и обезумевший сосед – все это проделки куклы? Но этого же не может быть! Чушь! А если нет?

Глава 5

Лера недоверчиво уставилась на Валентину, уже не казавшуюся ей такой доброжелательной.

– Значит, вы считаете, что я занимаюсь колдовством?

– Нет. Потому и поинтересовалась, откуда у тебя эта кукла. Да ты не смущайся, я же не слепая и вижу, что ты что-то вспомнила касаясь ее. Или ты и в самом деле не знала об ее колдовских возможностях? Но все равно ведь о чем-то таком догадывалась, да? Ну же, признайся! Ты же умная девушка, неужели сердце не подсказало, что с ней не чисто?

– Мне не нравятся такие шутки!

– А я и не шучу. – Валентина наполнила рюмку и выпила, морщась. – Хороша, зараза! – Она понюхала, затем откусила от домашней колбаски, нанизанной на вилку, и откинулась на спинку стула. – Так ты и в самом деле ничего не знаешь или только прикидываешься? А может, ты все-таки колдунья, как и твоя кукла?

– Что за чушь?!

– Да не возмущайся ты так. Это я к слову. Ты хоть и непростая барышня, а такими вещами вряд ли занимаешься, иначе бы я сразу определила. Так откуда у тебя кукла?

– На скамье в парке подобрала, – призналась Лера. – Кто-то оставил.

– Врешь! Быть такого не может! Хотя если не хочешь – не говори. Мне все равно. Однако странно, что ты ничего про нее не знаешь. Ну так я тебе объясню. Мне про эту куклу еще бабушка моя рассказывала в детстве. Вот она колдовством занималась. Хотела потом мне передать. Но я не собиралась повторять ее одинокую судьбу, а потому наотрез отказалась учиться колдовскому делу, в котором, поверь, она знала толк.

– Значит, в эту куклу иголки и булавки втыкают, чтобы людей портить?

– Стоп! – внезапно протрезвела Валентина. – Я тебе об этом не говорила! – Она снова оглянулась, всматриваясь в наступившую за окном темноту, словно опасалась, что кто-нибудь с улицы может подслушать их разговор – это на восьмом-то этаже! Но заговорила не шепотом, а, наоборот, громче, как будто надеялась, что ее слова будут кем-то услышаны: – Никаких иголок и булавок! Это же королева кукол! Напротив, на нее молятся, как на святыню, просят о здоровье, о счастье. Ее кладут на алтарь, окружают цветами, горящими свечами и изображениями Иисуса и Девы Марии.

Лера попыталась было прервать Валентину, но та приложила палец к губам, прислушиваясь, затем продолжила так же громко:

– С ней нужно говорить, словно она живая, отдавать ей часть своей энергии, и она станет помогать тебе и оберегать. Корми ее вкусеньким, приноси ей дары. И не только беседуй, но и сама прислушивайся, если она захочет поделиться с тобой своей мудростью. Этим ты делаешь ее сильнее, и она с наибольшим вниманием станет относиться к твоим просьбам. Потому что в мире духов взаимность важна не меньше, чем в нашем, земном. Те, кто дает щедрые подарки, получают в ответ и богатое вознаграждение. А знаешь, когда у нее день рождения? Двадцать пятого августа. Уже скоро. Так что у тебя есть счастливый шанс порадовать ее вниманием и хорошим подарком, ей будет очень приятно. Кукла у тебя старинная, сразу видно. Скорее всего, передавалась из поколения в поколение, как семейная реликвия. Это очень сильная кукла, хранящая

семейные традиции. Береги ее.

- Поверить не могу, что слушаю эту чушь! – вполголоса произнесла Лера.

А Валентина перегнулась через стол и зашептала, обдав Леру перегаром:

- И будь осторожна! Не следует навлекать на себя и на других людей опасность и задействовать силу, которой невозможно управлять.

- Какая чушь! Не верю ни единому вашему слову!

- И правильно делаешь! – вдруг спохватилась Валентина, щеки ее покрылись румянцем. – Не слушай меня, глупую бабу, которая слышала звон, да не знает, где он. Думаю, что я ошиблась. Забудь про то, что я тебе тут наплела с три короба. Действительно – глупости все это!

- Ну уж нет! Раз начали этот разговор, надо его до логического конца довести. Я больше чем уверена, что таких кукол, как эта, хоть и немного, но уж точно не одна. Так по каким признакам вы определили, что она королева? Ведь она ничем от прочих коллекционных не отличается. Ну разве что цветом кожи. Вы никогда прежде не видели кукол-мулаток?

- А ты ее когда-нибудь внимательно рассматривала? Вижу, что нет. Иначе бы заметила у нее на ручках под длинными рукавами платья золотые браслеты-талисманы, которые снимать нельзя ни в коем случае. А тот, кто попытается их снять, скоро расстанется с жизнью. Можешь считать это полным бредом, но за что купила, за то и продаю. Не прибавила к рассказанному даже слова лишнего. Извини еще раз за этот бред. Мне не следовало вмешиваться. Как слаб бывает человек, как слаб! Особенно на язык.

- А вы не знаете имя куклы?

- Знаю, конечно. Ее зовут Мария. Теперь иди. Что-то мне не по себе.

Лера, растерянная и взволнованная странным рассказом, вернулась в свою комнату и расположилась на диване, как раз напротив куклы, сидящей на навесной полке. Королева кукол! Да не может этого быть! Мало ли что наплела

спяну обиженная судьбой женщина. Но даже если все это неправда, Лера не сможет выбросить просто так эту куклу. А вдруг это и вправду отрицательно отразится на дальнейшей судьбе? Вдруг на той скамейке кукла была не случайно, а таким образом от нее избавились прежние хозяева? Может быть, и Лере забыть ее где-нибудь на скамье? Но ведь она не ребенок, чтобы с куклой ходить? Ну и что! Здесь уже не до условностей. А может, подарить кому? Но если можно было, то ее бы не оставили сидеть в одиночестве на скамье.

Стоп! Неужели она поверила в эти сумасшедшие рассказы? Она, начитанная и образованная? Вот уж ни за что на свете!

Лера постелила постель и легла спать, но уснуть не получалось, потому что мысли о кукле не давали покоя. Нет, все же следует Валентину подробнее расспросить о ней. Лера поднялась и направилась к соседке, но той в квартире не оказалось. Интересно, куда это она рванула на ночь глядя?

Лера на всякий случай еще раз постучалась к соседке, затем толкнула дверь, которая послушно отворилась. Комната оказалась пуста: ни Валентины, ни ее вещей! Придется умерить любопытство и отложить невыясненные вопросы на более благоприятное время и надеяться, что исчезновение Валентины никак не связано с таинственной куклой. И зачем она наговорила этой ерунды? Чтобы Лера покоя лишилась? А если это совсем не ерунда и толика правды в этом есть? Тогда тем более Валентине следовало помалкивать: меньше знаешь – крепче спишь!

Лера вернулась к себе, сняла куклу с полки и внимательно оглядела. На маленьких изящных ручках под длинными рукавами роскошного платья она и в самом деле обнаружила широкие золотые браслеты, плотно облегающие запястья. Затем она раздела куклу, осматривая тельце, но ничего существенного не обнаружила. Проверила одежду и на внутреннем шве нижней юбки из тончайшего шелка нашла пришитую бирку с вышитой на ней золотыми нитями короной и именем «Maria». Так вот откуда Валентина узнала имя куклы! И никакого чуда.

А как же тогда сама Лера угадала ее имя? Ведь неспроста же она решила назвать ее Маруся. Тоже объяснимо: раньше мельком она уже осматривала куклу, но не обратила на бирку внимания, а потом надпись внезапно вспомнилась, когда Лера придумывала ей имя. Хорошая версия. Вот только куклу Лера никогда так внимательно не разглядывала, как сейчас.

И все-таки куда так внезапно пропала Валентина? Неужели сама поверила в свои бредни и решила быть подальше от странной куклы?

– Выходит, ты – чья-то семейная реликвия? Тогда ни я к тебе, ни ты ко мне не имеем никакого отношения. Потому что я – детдомовская, и у меня никого из родственников в живых не осталось. Сначала мама умерла, я ее даже не помню. А потом бабушка, когда мне исполнилось четыре года. Вот так-то вот! Теперь я живу и за себя, и за маму, и за бабушку. Ужасно, когда ты – круглая сирота и никому до тебя нет никакого дела.

Лера посадила куклу на полку.

– И зачем я только взяла тебя на свою голову? Но я ведь даже предположить не могла, что ты такая ценная. Однако ты не переживай: как только представится подходящая возможность, я непременно вернусь в Энск и разыщу твоих хозяев. А пока извини, не могу. Теперь главное для меня – закрепиться в этом непростом городе. Жди теперь, пока мне отпуск дадут. Но ты ведь потерпишь, тебе не к спеху?

Она подождала немного, словно ожидая услышать ответ.

– А чего это ты молчишь? В парке такая разговорчивая была! Сказать, что ли, нечего? Или думаешь, что меня удар хватит, как только я услышу твой детский голосок? Не хватит, даже не сомневайся. Тебе меня так просто не свалить, как с другими получилось. Ну чего молчишь, хоть слово скажи! Хотя нет, лучше молчи, – вдруг испугалась неизвестно чего Лера.

Она даже разозлилась: а чего ей бояться-то? И услужливый ум тут же подсказал ответ: «Не буди лихо, пока оно тихо! И вообще, не делай резких движений, когда сталкиваешься с чем-то неизученным».

– Хорошо, не хочешь говорить, так послушай, что тебе скажу я, – не унималась Лера, злясь на себя и осознавая, что невольно отчитывается перед куклой. – Придется тебя держать подальше от людей. На всякий случай. Чтобы ты снова чего не натворила. И все-таки я не пойму, в чем дело, – ты меня, что ли, ото всех защищаешь? Так я в состоянии сама со своими врагами справиться. И потом, не тебе решать, кто мой враг, а кто друг. Я сама разберусь. А может, ты решила,

что если ты королева, то я у тебя в услужении? Размечталась! Даже в голову не бери. Я сама себе хозяйка. Прошли времена, когда меня, словно безропотную куклу, дергали за веревочки и принуждали делать то, что мне делать не хотелось. Не забывайся, пожалуйста, кукла – ты, а не я!

Лера прислушалась: может, хоть пискнет что в ответ. Но кукла оказалась с крепкими нервами. Она молчала, словно воды в рот набрала.

– Это же надо придумать: Николаича чуть с ума не свела, тот даже пить бросил, а Валентина сама не своя от страха из квартиры сбежала! Я уже не говорю о двух погибших в парке и парализованном Паше. Ну ты и сучка! Извини, конечно, за прямоту, но против фактов не попрешь. Ведь это после того, как я подобрала тебя на скамье в парке, вокруг меня начали твориться чудеса в решетке. Значит, тебя нужно спрятать куда-нибудь подальше от людских глаз. Пока ты снова беды не натворила.

Лера быстро поднялась с дивана, словно боялась, что кукла начнет возражать, сунула ее в спортивную сумку, которую затем спрятала в шкаф, чтобы даже на глаза не попадалась, и только после этого немного успокоилась. Глядя на пустую полку и не переставая удивляться своей легковерности, погрузилась в тревожный сон.

Валентина не пришла домой ни на следующий день, ни на третий. Скоро в квартире появился новый постоялец, хмурый замкнутый господин с бородкой, но и он не задержался, съехал через пару дней.

Лере некогда было задумываться над странностями, творящимися вокруг, тем более что они вполне могли быть случайными совпадениями, которые для нее не имели никакого значения.

Привыкнув – относительно, конечно, – к сумасшедшему ритму жизни мегаполиса, Лера пристрастилась по выходным ходить в парк Коломенское, от которого жила в десяти минутах ходьбы. Вот уж где можно отдохнуть от суеты сует, шума и толкотни. Она в блаженстве погружалась в тишину огромного парка, вдыхая медовые ароматы цветущих яблонь, слушая пение сладкоголосых соловьев и любясь зеркальными водами Москвы-реки. А уж об удивительной, очищающей душу неземной музыке поющих колоколов и говорить не приходилось. Домой Лера возвращалась отдохнувшая и счастливая.

Через неделю после загадочного исчезновения Валентины в квартиру нагрянул участковый. Лера смотрела на высокого крепкого мужчину в форме, показывающего ей удостоверение, в которое она даже не заглянула, плохо осознавая, о чем тот говорит, и испытывая необъяснимое чувство не только страха, но и вины.

– Что вы сказали? – переспросила она, чувствуя, как пересохло во рту, а сердце затрепетало от чувства причастности к какому-то неведомому греху.

– Свиридов, ваш участковый, – повторил нежданный гость, пряча в карман удостоверение. – Разрешите войти? – Он шагнул через порог, и Лера поневоле отступила. – Могу я посмотреть ваши документы? Вы, насколько я понимаю, комнату здесь снимаете? Тогда попрошу предъявить и договор найма жилья.

– Да-да, конечно! Все документы у меня в порядке. И временная регистрация есть, и договор. – Лера направилась в комнату, участковый последовал за ней, не отставая ни на шаг.

– А кто проживает в соседней комнате? – спросил он, внимательно просматривая документы.

– Сейчас никто. Дня два жил один мужчина, но быстро съехал.

– А до него кто проживал?

– Валентина, женщина с Украины. Она жила неделю.

– Когда вы ее видели последний раз? – Участковый пристально смотрел на Леру, и она почувствовала, как на лбу выступил пот. – Вы с ней хорошо ладили?

– Конечно, а что нам с ней делить? Последний раз мы вместе обедали. Это было в воскресенье. А в понедельник я ее уже не видела, она съехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/cherkasova_nadezhda/ubit-kuklu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)